
ЕГОР МЕДВЕДЕВ
ЛЕСА ГОРЬКАЯ КУПЕЛЬ

I

Лунный свет лежал на полу детской широким бледным прямоугольником. Край его добирался до кровати, серебрил ножку стула, коробку с игрушками, раскрытую на столе книжку. Всё было знакомым: шкаф, медведь с оторванным ухом, занавески в мелких цветах. И всё казалось немного чужим.

За окном шёл снег.

Крупные хлопья медленно пересекали свет фонаря, исчезали в темноте и появлялись снова, будто кто-то наверху без конца встряхивал огромную перину.

– Пап.

Олег открыл глаза.

Он сам не заметил, как задремал поверх одеяла. Шея затекла. Во рту пересохло. Несколько секунд он вспоминал, где находится, потом повернул голову.

Ульяна лежала рядом, натянув одеяло до подбородка.

– Ты чего не спишь?

– Не получается.

– Глаза закрой.

Она послушно закрыла.

Через секунду снова открыла.

– Не помогает.

Олег усмехнулся.

– Тогда даже не знаю.

– Спой мне песенку.

– Ульян...

– Одну.

Он посмотрел на часы. Было далеко за полночь. Через пять часов вставать, потом автобус, работа, снова этот бесконечный день. Он уже чувствовал утреннюю тяжесть в голове.

– Только одну.

– Про медведей.

– Про каких ещё медведей?

– Ну пап! «Ножкой снег мешая».

Олег тихо рассмеялся.

– Ложкой.

– Ножкой.

Ульяна нахмурилась.

– У ночи нет ложки.

– У ночи и ножек нет.

Ульяна приподнялась на локтях и посмотрела на него с таким искренним изумлением, словно отец только что сказал невероятную глупость.

– Есть. Я видела.

Улыбка осталась на лице Олега, но стала слабее.

– Когда мы в магазин ходили. Помнишь? Снег ещё вот такой был.

Ульяна подняла ладонь и растопырила пальцы, показывая размер снежинок.

Олег помнил.

Недели две назад они возвращались домой уже вечером. Снег тогда валил стеной. Ульяна прыгала рядом, ловила хлопья ртом и каждые десять шагов останавливалась, потому что ей обязательно требовалось проверить, какой сугроб глубже.

И тогда им навстречу действительно шла женщина. Олег почему-то запомнил её очень хорошо. Лёгкое чёрное платье ниже колен. Тёмные чулки. Никакой шапки, никакого пальто. Голые плечи припорошены снегом.

Он ещё подумал, что женщина либо пьяна, либо сбежала откуда-нибудь неподалёку. Может, из машины. Может, из чужой квартиры после ссоры. Она прошла совсем близко.

Женщина посмотрела на Ульяну, потом на него, и на одно короткое мгновение Олегу показалось, что он знает этот взгляд. Что-

то дрогнуло внутри, неприятно и сладко одновременно. Он даже обернулся.

Женщина продолжала идти сквозь снег. Ветер бил платье о ноги. Она двигалась спокойно, словно холода вокруг вовсе не существовало. Через несколько секунд её скрыло за белой стеной.

Олег тогда ещё постоял, глядя вслед.

– Пап, пошли! – позвала Ульяна.

И он пошёл. Сейчас воспоминание вернулось слишком отчётливо.

– Вот видишь, – сказала дочь. – У Ночи есть ноги.

– Значит, есть.

– А ложки не было.

– Не было.

Ульяна удовлетворённо кивнула.

Олег провёл ладонью по её волосам.

– Теперь спи.

– Ещё одну.

– Мы договаривались.

– Самую последнюю. Про птиц.

Он замолчал.

Эту песню она любила с самого детства. Когда была совсем маленькой и могла полночи кричать без всякой видимой причины, Олег ходил с ней по квартире, прижимал к груди и тихо пел всё, что приходило в голову. Почему именно песня про чёрных птиц действовала лучше остальных, он так и не понял.

Чёрные птицы слетают с Луны,
Черные птицы – кошмарные сны.
Кружатся, кружатся всю ночь.
Ищут повсюду мою дочь[1].

[1] Наутилус Помпилиус – «Чёрные птицы»

Ульяна слушала, почти не моргая. Когда песня закончилась, она спросила:

– Они правда прилетают?

– Конечно нет.

– А если прилетят?

– Не переживай, мы их прогоним.

Ульяна захихикала.

– Они же большие. Они тебя заклюют.

– Ну, спасибо за поддержку! – театрально возмутился Олег.

Она придвинулась ближе.

– Пап.

– М-м?

– А меня они заберут?

Он посмотрел на неё. Детское лицо белело в лунном свете и Олегу вдруг стало не по себе. Он вспомнил женщину в чёрном. Её взгляд. Знакомый поворот головы. Запах мокрой хвои посреди зимней улицы.

– Никто тебя не заберёт, – сказал он. – Никогда.

Она наконец закрыла глаза. Через несколько минут её дыхание стало ровным. Олег осторожно убрал руку, собираясь подняться, но Ульяна во сне нащупала его ладонь и крепко сжала пальцы. Пришлось остаться.

Он лежал рядом и смотрел в потолок, а за окном продолжал валить снег.

II

Ему снилась луна. Огромная, холодная, она висела так низко, что заслоняла половину неба. На её фоне двигались чёрные точки. Сначала Олег решил, что это птицы. Их было пять. Они кружили высоко, медленно смещаясь к земле, и чем ниже спускались, тем больше становились.

Крылья казались слишком длинными. Тела вытягивались. Иногда одна из теней закрывала другую, и тогда на мгновение возникал странный силуэт: звериная морда, тонкие лапы, человеческие руки.

Олег хотел позвать Ульяну. Голоса не было. Он стоял посреди детской. Окно оказалось распахнуто. Занавески метались по ветру, снег лежал на полу, на столе, на игрушках. Кровать была пуста.

– Ульяна.

Теперь голос появился, но прозвучал глухо, будто из-под воды. Он подошёл к кровати. Одеяло ещё сохраняло вмятину от маленького тела.

– Ульяна!

На подоконнике темнели глубокие борозды. Пять длинных следов, словно кто-то провёл когтями по краске.

Олег бросился к окну. Во дворе ничего, кроме снега и чёрных птиц над домами. Одна из них что-то несла в лапах. Что-то маленькое, в белой ночной рубашке.

– УЛЬЯНА!

III

Он проснулся от собственного крика.

Несколько секунд сердце било так сильно, что перед глазами плыло. Ульяна спала рядом, свернувшись калачиком. Олег схватил её за плечо. Тёплая. Живая.

Он закрыл глаза и только тогда заметил холод. В комнате было очень холодно. Занавеска взлетела и запуталась о трубу батареи.

Форточка была открыта.

Олег резко повернулся к окну. Ветер успел намести на подоконник тонкий белый слой. Он точно помнил, что вечером закрывал форточку.

Олег высвободил руку из-под головы дочери и поднялся. На полу возле окна таял снег. Он закрыл форточку, проверил щеколду. Та держалась крепко. За стеклом белел двор. Одинокий фонарь качался от ветра.

Никого.

Олег уже собирался отойти, когда заметил на снегу возле дома следы. С первого этажа разглядеть их толком было невозможно. Какое-то животное прошло вдоль стены и скрылось за углом. Собака, наверное.

Олег вернулся к кровати. Ульяна дрожала. Он потрогал её лоб. Холодный. Подоткнул одеяло, лёг рядом и обнял дочь. Часы показывали без двадцати шесть.

Через несколько минут должен был зазвонить будильник. Спать уже не имело смысла.

Он смотрел на светлеющее окно и думал о женщине в чёрном платье. В памяти снова возник её взгляд. До неприятного знакомый.

Олег попытался вспомнить лицо целиком и обнаружил странную вещь: лицо ускользало. Он помнил глаза, губы, мокрые волосы, снег на плечах. Стоило попытаться соединить всё вместе,

выходила пустота. Зато запах помнился прекрасно. Хвоя. Сырая земля. Горькие травы.

Когда Светлана заваривала свой лесной чай, вся кухня пахла именно так.

Олег медленно сел. Глупость. Просто похожий запах. Прошло уже столько лет. Он потёр лицо ладонями, встал и пошёл ставить кофе.

IV

К обеду позвонили из детского сада. У Ульяны поднялась температура. Когда Олег приехал, дочь сидела в раздевалке на маленькой скамейке, укутанная в чужой шерстяной платок. Щёки пылали. Глаза блестели. Воспитательница встретила его у двери.

– Почти тридцать девять. Я вам сразу позвонила.

Олег поднял Ульяну её на руки и понёс одеваться. Она выглядела как тряпичная куколка. От неё исходил жар.

У самой двери она вдруг прошептала:

– Пап.

– Что?

– Ночь вчера опять приходила.

Он остановился.

– Какая ночь?

Ульяна уже закрыла глаза.

– С ножками.

– Тебе приснилось.

Она ничего не ответила.

Снег прекратился. День был серым, тихим, морозным. Возле калитки детского сада стояла женщина в длинном тёмном пальто. Олег посмотрел на неё.

Женщина отвернулась и пошла прочь. На мгновение ему показалось, что подол пальто качнулся слишком высоко и под ним мелькнули тонкие ноги в чёрных чулках. Он хотел окликнуть её.

Ульяна застонала у него на руках. Олег опустил голову.

– Потерпи. Сейчас домой.

Когда он снова посмотрел к дороге, женщины уже не было. Только далеко впереди, возле поворота, через улицу перебежала крупная серая собака и скрылась между домами.

V

В одиннадцать лет Ульяна уже знала, что взрослым лучше рассказывать не всё. Некоторые вещи они всё равно не понимали. Другие понимали слишком быстро и сразу начинали задавать вопросы, водить по врачам или запрещать выходить из дома. Поэтому про человека у замёрзшего ручья она Олегу не сказала.

В тот день занятия отменили после четвёртого урока. Ночью снова выпал снег, а к полудню ударил мороз. Автобус Ульяна ждать не стала. До дома было чуть больше получаса пешком, если идти через посёлок, а через лес было и того короче.

Тропинка начиналась за последними домами и уходила между соснами. Здесь снег лежал нетронутым, только изредка его пересекали заячьи следы или тонкая цепочка птичьих отпечатков. На ветках блестел иней.

Ульяна шла быстро. Рюкзак бил по спине. Варежки давно промокли от снега. Один раз она остановилась, чтобы сломать тонкую ледяную корку на луже, потом ещё раз возле большого пня, где летом всегда росли грибы. До ручья оставалось совсем немного, когда она услышала хруст.

Ульяна оглянулась. Никого.

– Эй?

Ответа не последовало.

Ульяна постояла ещё немного и пошла дальше. Через несколько шагов хруст повторился. Теперь уже справа. Она резко повернулась.

Между деревьями мелькнуло серое. Ульяна замерла. Собака вышла на тропу метрах в двадцати от неё. Только почти сразу стало понятно, что это не собака.

Животное было слишком высоким. Длинные ноги, густая серая шерсть, широкая грудь. Оно стояло неподвижно и смотрело прямо на Ульяну. Волк.

Она видела волков только в книгах и один раз в зоопарке. Тот волк бесконечно ходил вдоль решётки и казался меньше. Этот был совсем другим.

Ульяна медленно отступила. Волк не двинулся. Она вспомнила всё, что когда-либо слышала: нельзя бежать, нельзя поворачиваться спиной, надо казаться больше. Последний совет показался особенно бесполезным.

– Хороший, – тихо сказала она.

Волк слегка наклонил голову.

– Очень хороший.

Она сделала шаг назад. Под подошвой предательски хрустнула ветка. Волк оскалился. Ульяна перестала дышать.

И тогда из-за деревьев раздался голос:

– Он тебя не тронет.

Ульяна вздрогнула. Возле ручья стоял мужчина. Она могла поклясться, что секунду назад там никого не было.

Высокий. Худой. На нём была длинная тёмная одежда, слишком лёгкая для такого мороза. Седые волосы доходили почти до плеч. Возраст определить было трудно. Издалека он казался старым, но лицо оставалось гладким, без глубоких морщин.

Он щёлкнул пальцами. Волк сразу отвернулся от Ульяны и подошёл к нему. Мужчина положил ладонь ему на голову. Животное прикрыло глаза.

Ульяна почувствовала, как страх начинает уступать любопытству.

– Он ваш?

– Нет.

– Тогда почему слушается?

– Иногда можно слушаться кого-то и не принадлежать ему.

Ответ ей не понравился.

– Как его зовут?

Мужчина посмотрел на волка.

– Ему не нужно имя.

– Всем нужно имя.

Он улыбнулся. Ульяне показалось, что улыбка предназначалась вовсе не ей. Ей захотелось уйти, но она почему-то продолжала стоять. И скоро заметила возле ручья ещё два серых силуэта.

Один лежал под елью. Второй сидел дальше между деревьями. Она медленно оглянулась. Ещё один волк стоял позади. Он вышел совершенно бесшумно.

Ульяна почувствовала, как по спине пробежал холод.

– Они все вас слушаются?

Мужчина провёл пальцами по шерсти ближайшего волка.

– Когда хотят.

– Я поняла, вы – лесник!

– Вовсе нет, - усмехнулся незнакомец.

– Тогда кто?

Он посмотрел на неё и Ульяне снова стало страшно. Глаза у мужчины были очень светлые. Почти бесцветные.

– А ты выросла, – сказал он.

Ульяна замерла.

– Вы меня знаете?

Волк возле его ног поднял голову.

Мужчина смотрел на Ульяну долго, внимательно, словно хотел запомнить каждую черту её лица.

– Нет, – ответил он наконец.

Ульяна ему не поверила.

– А я вас раньше видела?

– Нет. Ты бы запомнила.

Это прозвучало самоуверенно, но почему-то Ульяна решила, что он прав. Ветер прошёл между деревьями. С ветвей посыпался мелкий снег.

Мужчина поднял голову, словно прислушиваясь к чему-то далёкому.

– Тебе пора домой.

– Я знаю.

– Тогда иди.

Ульяна не двинулась.

– А если волки увяжутся

– Не увяжутся. Я их попрошу.

Один из волков тихо фыркнул. Ульяне показалось, что мужчина едва заметно улыбнулся ему в ответ.

Она сделала несколько шагов по тропе, потом остановилась.

На этот раз он посмотрел прямо на неё, и у Ульяны пропало всякое желание видеть его

Ульяна открыла рот, собираясь спросить что-то ещё, но передумала.

Метров через двадцать она обернулась. Мужчина всё ещё стоял возле ручья и смотрел ей вслед. Волки были рядом.

Ульяна ускорила шаг.

Когда деревья поредели и впереди показались первые дома, она наконец почувствовала себя спокойнее. Только у самой калитки Ульяна обнаружила на рукаве несколько длинных серых волосков.

Она сняла варежку и осторожно собрала их пальцами. Шерсть была мягкой. Ульяна постояла немного, потом спрятала волоски в карман.

Олегу она ничего не рассказала.

VI

Вечером Олег заметил, что с дочерью что-то неладно.

Обычно после школы Ульяна бросала рюкзак в прихожей, включала телевизор и шла искать, что можно съесть до ужина. Сегодня она была непривычно тихой. Сама повесила куртку, унесла рюкзак в комнату и почти час сидела над учебником.

Олег заглянул к ней. Он хотел уйти, но задержался в дверях.

– Через лес сегодня шла?

Ульяна повернулась.

– А что?

– Куртку всю измарала.

Она машинально посмотрела на рукав.

– Ну да.

– Я же просил не ходить там одной.

– Так ближе.

– Мне всё равно, насколько ближе.

Ульяна вздохнула.

– Пап, там люди ходят.

– Какие люди?

– Разные.

Олег нахмурился.

– Вот именно, что разные! Через посёлок ходи!

– Хорошо.

Согласилась она слишком легко. Олег посмотрел внимательнее.

– Ничего не случилось?

– Нет.

– Никто тебя не обидел?

– Пап!

– Я спрашиваю.

– Никто.

Отец ещё постоял в дверях и ушёл. Ульяна дождалась, пока он не дошёл до кухни, потом достала из кармана куртки серые волоски.

Днём они казались обычной шерстью. Теперь, при свете настольной лампы, отливали серебром. Она положила их между страницами старой тетради и закрыла.

Зачем сохранила, Ульяна сама не знала. Ей всё время вспоминался мужчина. Его голос. Светлые глаза. Волки, спокойно лежавшие рядом. Особенно одна фраза.

«А ты выросла».

Будто он видел её раньше.

Ульяна попыталась вспомнить всех знакомых отца. Соседей, родственников, людей, которые когда-то приходили к ним домой. Ничего.И всё же лицо мужчины казалось знакомым. Где-то глубоко, почти за границей памяти. Она закрыла тетрадь и сунула её в нижний ящик стола.

Потом вдруг подняла голову.

На кухне Олег резал мясо. Ульяна знала это совершенно точно. Она слышала, как нож касается доски. Чувствовала запах сырой говядины, хотя дверь комнаты была закрыта, а до кухни тянулся длинный коридор. Она нахмурилась. Принюхалась. Мясо. Лук. Чёрный перец. И ещё кровь. Тонкий металлический запах отчётливо выделялся среди остальных.

Ульяна вышла из комнаты.

На кухне отец действительно стоял у стола и нарезал мясо для гуляша.

– Если уж уроки не делаешь, помоги тогда картошку почистить.

VII

Ночью Олег проснулся от холода.

Сначала он решил, что снова открылась форточка. Он лежал на диване в зале, укрывшись старым клетчатым пледом. Телевизор давно выключился. На экране отражалось окно. За стеклом висела луна.

Олег попытался перевернуться и не смог. Рука безвольно лежала вдоль тела. Он хотел поднять её. Не получилось. С тем же успехом попробовал пошевелить ногой. Сердце сразу забилось быстрее. Сонный паралич.

Он читал про такое. Мозг уже проснулся, тело ещё спит. Нужно успокоиться. Подождать. Олег закрыл глаза и посчитал до пяти, и открыл. Балконная дверь была распахнута. Занавеска медленно двигалась от ветра.

Олег смотрел на дверь и не мог поверить своим глазам. На пороге стоял человек.

Высокий мужчина вошёл в комнату. На нём было что-то длинное и тёмное. С плеч осыпался снег. Мужчина остановился. Олег попытался крикнуть, но из горла вырвался только короткий хрип. Незнакомец повернул голову.

Лунный свет коснулся его лица. Седые волосы. Худые скулы. Очень светлые глаза. Почти бесцветные. Олег снова попытался закричать.

Мужчина подошёл ближе. Шагов слышно не было. Он остановился возле дивана и несколько секунд просто смотрел. Так разглядывают вещь, о которой долго слышали и наконец увидели собственными глазами.

– Значит, ты Олег.

Голос был тихим. Олег почувствовал, как по спине проходит холод. Незнакомец знал его имя.

– Я ненадолго, – сказал тот.

Олег напряг всё тело. Хотел хотя бы сжать кулак, но пальцы не слушались. Мужчина перевёл взгляд в сторону коридора. Там была комната Ульяны.

– Хороший дом, – произнёс он.

Олег снова захрипел. На этот раз получилось громче. Мужчина посмотрел на него.

– Боишься за неё?

Внутри что-то оборвалось. Олег рванулся. Тело едва заметно дёрнулось. Незнакомец это заметил.

– Правильно.

Он присел рядом. Олег почувствовал запах зимнего леса, снега, хвои и холодной земли. Мужчина положил два пальца ему на горло. Холод вошёл под кожу мгновенно. Олег задохнулся. Воздух застрял в груди. Перед глазами потемнело.

– Тише.

Пальцы оставались на горле.

– Я пришёл посмотреть.

Олег смотрел на него с ненавистью. Мужчина неожиданно улыбнулся. Улыбка была усталой.

– А она на тебя похожа.

Олег перестал дёргаться.

Незнакомец слегка наклонил голову.

– Забавно.

Он убрал руку. Олег судорожно вдохнул. Воздух обжёг лёгкие.

– Кто... ты...

Получился едва слышный шёпот. Мужчина поднялся.

– Пока никто.

Он снова посмотрел в сторону комнаты Ульяны.

– Пусть спит.

Олег попытался подняться. На этот раз рука дрогнула. Незнакомец уже шёл к балкону.

– Стой...

Тот остановился.

– К ней не подходи.

Олег сам удивился, что сумел произнести это вслух. Мужчина медленно повернулся. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом занавеска за ним взметнулась, и незнакомец исчез.

Олег наконец сумел встать. Он бросился к двери.Балкон был пуст. Внизу чернел двор. Ни человека, ни следов на снегу. Только возле подъезда стояла одинокая серая собака.

Дрожащей рукой он закрыл щеколду двери, проверил дверь и бросился в коридор.

– Ульяна!

Дочь спала.

Олег включил свет.

– Уля.

Она не пошевелилась.

– Ульяна!

Он подошёл к кровати и сразу увидел кровь. Она была на подушке. На щеке. На пальцах. Несколько тёмных пятен успели впитаться в простыню.

– Господи...

Олег схватил дочь за плечи.

– Уля! Проснись!

Она вздрогнула и открыла глаза.

– Где ты поранилась?

Ульяна сонно посмотрела на него. Олег уже ощупывал голову, шею, руки. Ничего.

– Пап, ты чего?

– Кровь.

Она провела ладонью по лицу и увидела красный след. Несколько секунд смотрела на пальцы. Потом облизнула губу.

– Из носа, наверное.

Он сидел возле неё долго, пока она снова не уснула. За окном не переставая шёл снег.

Утром Ульяна проснулась бодрой и ничего не помнила. Олег тоже решил никому ничего не рассказывать. Особенно ей. О человеке на балконе он больше никогда не говорил. Но иногда, просыпаясь среди ночи, первым делом смотрел на дверь. И много лет спустя всё ещё помнил эти почти бесцветные глаза.

IIX

Через шесть лет Ульяна научилась узнавать людей по запаху раньше, чем видела их. От отца пахло табаком, кофе, стиральным порошком и чем-то тёплым, домашним, что она никогда не могла назвать. От соседки снизу всегда пахло валерьянкой. От преподавателя истории – мятными леденцами. А Светлану Ульяна могла узнать за сотню шагов.

Хвоя. Сырая земля. И горькие травы.

Первое время этот запах сводил с ума. Ульяна сидела на занятиях, ехала в автобусе, разговаривала с подругами и вдруг чувствовала его среди десятков других. Тогда сердце начинало колотиться, она оборачивалась, искала глазами знакомое лицо.

Светлана никогда не подходила первой. Она ждала. Сегодня ждала у заброшенной автобусной остановки за городом. До неё Ульяна добиралась почти час. Сначала автобусом, потом пешком вдоль старой дороги, где асфальт давно пошёл трещинами, а из обочины поднималась сухая трава.

Светлана сидела на бетонном блоке. На вид ей можно было дать лет тридцать пять. Столько же, сколько на старых фотографиях. Шесть лет ничего в ней не изменили.

– Опоздала, – сказала Светлана.

– На восемь минут.

– На девять.

Ульяна бросила рюкзак на землю. Ветер шевелил её тёмные волосы. Ульяна закатила глаза.

– Я тоже по тебе скучала.

Уголок губ матери дрогнул.

Вот так всегда. Ни объятий. Ни поцелуев. Ни «как дела». Когда они встретились впервые, Ульяне было двенадцать. Тогда она сама бросилась Светлане на шею и плакала так долго, что потом болела голова.

Мать обняла её. Но как-то осторожно, словно боялась сломать. С тех пор прошло пять лет.

Они виделись раз месяц. Иногда два. Светлана исчезала на несколько недель и возвращалась без объяснений. Ульяна уже перестала спрашивать где была.

Лес начинался почти сразу у дороги.

После городского шума тишина поначалу давила на уши. Через несколько минут Ульяна различила скрип веток, стук дятла, далёкий шум машины, бегущую где-то в кустах мышь.

Светлана остановилась.

– Слышишь?

– Что?

– Вот именно.

Ульяна раздражённо выдохнула и мать уже более снисходительно сказала:

– Не старайся услышать всё сразу. Слушать и напрягаться до головной боли разные вещи.

Ульяна закрыла глаза.

Ветер. Деревья. Птицы. Шорох травы. Где-то впереди журчала вода. Потом она услышала что-то ещё: тихое, равномерное.

Она нахмурилась.

– Там кто-то идёт. За оврагом.

– Один?

Она прислушалась.

– Двое.

Ульяна втянула воздух носом. Пахло землёй, листвой, смолой. И чем-то до раздражения неприятным.

– Они курят.

Светлана улыбнулась. Последние месяцы она всё чаще называла её Светланой. Иногда про себя. Иногда вслух. Мать ни разу не сделала замечания.

– Что со мной будет? – спросила она в спину матери. – Я стану такой, как ты?

Мать посмотрела через плечо и как-то холодно ответила:

– Да.

Ульяна замерла. Они уже говорили об этом раньше. Но больше намёками. Светлана рассказывала про обострившийся слух, запахи, сны. Объясняла, как не сорваться, когда рядом кто-то порезал палец. Учила уходить подальше от людей в дни, когда внутри начинало «тянуть». Но прямых ответов всегда избегала.

Сегодня впервые сказала прямо.

– А если я не захочу?

Светлана спокойно посмотрела на неё. Почти с жалостью.

– Тогда будет хуже. Потому что оно всё равно выйдет.

Сказав это, она пошла дальше. Ульяна осталась стоять.

– Почему ты ушла?

Мать остановилась и вздрогнула , как от удара. Лес тоже словно притих.

– Я уже достаточно взрослая. Ответь.

Светлана медленно повернулась.

– Для чего?

Ульяна почувствовала, как закипает злость.

– Почему ты бросила нас?

Лицо матери осталось спокойным.

– Я тебя не бросала.

– Конечно! Ты исчезла. Бабушка думала, что тебя похитили и убили. Папа искал тебя. Он год спал возле телефона, вдруг ты позвонишь. А ты жила где-то здесь.

Светлана опустила глаза.

– Я не могла вернуться. Это было опасно.

– Для кого?

– Для вас.

Ульяна рассмеялась коротко и зло.

– Опасно! Нельзя! Потом! Когда-нибудь! Ты пять лет говоришь одни и те же слова, а папа всё ещё ждёт тебя.

Светлана вздрогнула. Совсем немного, но Ульяна заметила.

– Вернись домой и живи с нами, как раньше! Боишься?
Мать усмехнулась.
– Я многого боюсь, но только не разговора с Олегом.
– Тогда чего?
Светлана посмотрела на неё.
– Что он простит.
Ульяна не нашлась с ответом.
Мать отвернулась и продолжила идти.

IX

Они вышли на небольшую поляну, окружённую высокими елями. Солнечный свет едва проникал сквозь густые ветви, и трава здесь оставалась влажной даже в такую жару. У самого края поляны лежал большой серый камень, наполовину ушедший в землю.

Светлана остановилась возле него, провела ладонью по покрытой лишайником поверхности и села. За последние полчаса она почти не разговаривала, хотя прежде охотно рассказывала дочери о лесе, показывала звериные тропы, учила различать следы. Теперь она выглядела задумчивой и даже немного усталой.

– Подойди, – попросила она.

Ульяна остановилась в нескольких шагах.

– Зачем?

– Хочу тебе кое-что показать.

Светлана расстегнула куртку, помедлила и подняла футболку почти до груди.

Ульяна невольно отступила.

Через живот матери, от правого бока наискось вверх, тянулся широкий белёсый шрам. Кожа вокруг него была неровной, местами стянутой, словно рана когда-то заживала долго и мучительно. В нескольких местах виднелись следы более мелких повреждений. Ульяна сразу поняла, что именно могло оставить такие отметины.

– Господи, мама...

Она присела перед Светланой, пытаясь рассмотреть шрам поближе. Рука сама потянулась к нему, но мать неожиданно перехватила её запястье.

– Не надо.

Сказано было тихо, однако Ульяна почувствовала, как сильно сжались пальцы Светланы.

– Больно?

Мать покачала головой и отпустила её руку.

– Давно уже нет.

Она опустила футболку и принялась застёгивать куртку. Ульяна смотрела на её руки, стараясь представить, какой силы должен был быть удар, оставивший такую рану. Ей стало страшно от одной мысли, что когда-то мать лежала с распоротым животом и, возможно, умирала где-нибудь в лесу.

– Кто это сделал?

Светлана закончила возиться с молнией и только тогда ответила:

– Волчица. Та, что была до меня.

– До тебя?

– Она была Матерью Стаи.

Ульяна нахмурилась. За последние дни ей пришлось узнать столько нового, что порой она переставала понимать, какие ещё открытия её ожидают. Мать рассказывала обо всём удивительно спокойно, словно речь шла об обычных вещах, известных любому человеку.

– А что значит «Мать Стаи»?

– Та, за которой идут остальные. Которой подчиняются, которую признают своей.

– Вроде вожака?

– Примерно.

Ульяна некоторое время обдумывала услышанное. Затем снова посмотрела на мать.

– Подожди. Ты сказала, что она была Матерью до тебя. Получается, теперь ты?..

Светлана кивнула.

– Да, Уля. Теперь Стаю веду я.

Ульяна медленно опустилась на траву рядом с камнем.

Ей вдруг стало трудно совместить два образа матери. Она помнила Светлану молодой женщиной со старых фотографий, смеющейся, обнимающей Олега, держащей маленькую Ульяну на

руках. И вот сейчас перед ней сидела та же женщина, только за её спокойным лицом скрывалась жизнь, о которой дочь почти ничего не знала. Жизнь, в которой приходилось драться с волками, получать страшные раны и бороться за право вести за собой других.

– Значит, вы дрались из-за того, кто станет главной?

– Да.

– И ты победила?

Светлана провела ладонью по колену, стряхивая приставшие хвоинки.

– Как видишь.

Ульяна снова вспомнила шрам.

– Ты её убила?

Мать посмотрела на неё с неожиданной строгостью.

– Нет.

– Но ведь она тебя чуть не убила!

– И всё-таки осталась жива. Как и я.

Светлана поднялась с камня, сделала несколько шагов к ближайшей ели и остановилась, прислонившись ладонью к стволу. Ульяна заметила, что разговор был ей неприятен. Особенно всё, что касалось прежней Матери.

– И где она теперь? – спросила Ульяна.

– Не знаю. После поединка она ушла. У каждой стаи свои дороги.

– А почему она не могла остаться с вами?

Светлана обернулась. Некоторое время она рассматривала дочь, словно решала, сколько та уже способна понять.

– Потому что двух Матерей не бывает. После схватки остальные должны знать, за кем идти. Если прежняя Мать остаётся, рано или поздно кто-нибудь снова оказывается перед выбором.

– И всё из-за того, что одна из вас сильнее?

– Сила имеет значение, – признала Светлана. – Но одной силы мало.

Она вернулась к камню и снова присела. Ульяна подобрала с земли небольшую веточку и принялась обламывать с неё сухие боковые побеги.

– А кто вообще решает, что пора менять вожака?

– Никто не назначает такого дня. Стая сама чувствует, когда приходит время.

– И просто выбирает новую Мать?

Светлана отрицательно покачала головой.

– Ты всё пытаешься представить это по человеческим правилам. У нас иначе. Можно годами идти за одной Матерью, доверять ей свою жизнь, а потом почувствовать, что прежний порядок заканчивается.

Она ненадолго замолчала.

– Но место никто тебе не уступит только потому, что ты достойна его занять. За него придётся бороться.

Ульяна отломила последний сухой побег и бросила веточку в траву.

– Даже если сама этого не хочешь?

Светлана собиралась ответить, но почему-то передумала. Она опустила глаза, и Ульяна заметила, как изменилось её лицо. Всего на мгновение в нём появилась усталость, которую мать обычно старательно скрывала.

– Иногда желание приходит позже, – произнесла она наконец.

Ульяна почувствовала, что за этими словами стоит что-то ещё.

– А ты хотела?

Светлана взглянула на неё. Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

– Сейчас это уже не имеет значения.

– Для тебя, может быть.

Мать слабо улыбнулась, узнав собственную интонацию в голосе дочери.

– Какая же ты упрямая.

– Есть в кого.

Светлана тихо рассмеялась, но почти сразу снова стала серьёзной.

Ульяна хотела спросить, сколько лет назад произошла та схватка и что заставило мать бросить вызов прежней Матери. Но, глядя на Светлану, вдруг поняла, что та и так рассказала сегодня гораздо больше, чем собиралась.

– А если никто не захочет занять её место? – спросила она после паузы.

Светлана усмехнулась.

– Поверь, Уля, всегда находится тот, кто хочет.

– Даже если знает, чем это может закончиться?

Мать машинально коснулась правого бока, того самого места, где начинался шрам.

– Особенно тогда.

Где-то в глубине леса резко вскрикнула птица. Светлана мгновенно повернула голову на звук. Ульяна тоже прислушалась, но услышала только шелест ветвей и далёкий стук дятла.

Мать поднялась. Её движения снова стали быстрыми и уверенными, словно тяжёлый разговор остался позади.

– Ну что, засиделись мы с тобой. Пойдём.

– Куда теперь?

Светлана поправила рюкзак на плече и посмотрела на дочь с чуть заметной улыбкой.

– У нас остался ещё один урок. Возможно, самый главный.

Ульяна с трудом поднялась с влажной травы и отряхнула джинсы.

– И чему ты собираешься меня учить?

– Бегать.

– Я и так умею бегать.

Улыбка Светланы стала шире.

– Вот сейчас и проверим.

X

Олег начал пить не сразу. Сначала появилась привычка сидеть по вечерам на кухне после того, как Ульяна ложилась спать. Чашка кофе, сигарета у форточки, старое радио вполголоса. Потом в кофе иногда добавлялся коньяк. Потом кофе исчез.

Ульяна долго делала вид, что ничего не замечает.

К семнадцати годам она слишком хорошо знала запах отца трезвого и отца выпившего. Могла определить ещё из прихожей, сколько примерно было выпито и стоит ли сегодня заходить на кухню.

В тот вечер она всё-таки зашла. В квартире пахло водкой, сигаретами и жареной рыбой. На кухонном столе стояли две пустые бутылки. Рядом валялась смятая газета, тарелка с костями и открытая пачка сигарет.

Олег сидел, положив голову на руку. Перед ним была фотография. Ульяна увидела её и остановилась.

На фотографии Светлана смеялась, чуть прищурившись от солнца. На ней было лёгкое летнее платье, волосы небрежно собраны на затылке, а на носу сидели смешные солнечные очки, которые Олег когда-то называл стрекозиными. Снимок сделали возле того самого озера, куда они прежде ездили всей семьёй. Ульяне тогда исполнилось года три, и от той поездки в памяти почти ничего не осталось. Олег же помнил всё: погоду, сколько рыбы удалось поймать, что они ели на ужин и даже как Светлана обгорела на солнце, потому что весь день отказывалась надевать рубашку.

Фотография лежала на кухонном столе, среди грязных тарелок и остатков ужина. Рядом стояла початая бутылка водки.

Олег сидел, опершись локтями о стол, и смотрел на снимок. Он даже не сразу заметил, что дочь вернулась.

– Пап, я дома.

Он поднял голову. Глаза были красными, лицо осунулось. Ульяна по одному его взгляду поняла, что сегодня он выпил гораздо больше обычного.

– Пришла? – Олег попытался улыбнуться. – А чего так поздно?

– Девять часов, пап.

Он недоверчиво посмотрел на настенные часы, несколько секунд разбирался со стрелками и наконец неопределённо хмыкнул.

Ульяна сняла куртку, повесила её на спинку стула и подошла к столу. Еда на отцовской тарелке почти не была тронута. Она вздохнула, убрала в холодильник хлеб и стала собирать посуду.

– Ты хоть ел сегодня?

– Ел, – буркнул Олег, не отрывая взгляда от фотографии.

Ульяна посмотрела на заветренный кусок котлеты и остатки картофельного пюре.

– Ну да, вижу.

Она потянулась за тарелкой, на краю которой лежал снимок, но Олег вдруг накрыл фотографию ладонью. Ульяна удивлённо взглянула на него.

– Оставь.

– Пап, я только тарелку уберу.

– Это твоя мать, – произнёс он, словно она могла об этом забыть.

Ульяна почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Каждый раз, когда отец напивался, разговор рано или поздно возвращался к Светлане. Он мог часами перебирать фотографии, рассказывать одни и те же истории, вспоминать какие-то совершенно незначительные подробности их совместной жизни. Поначалу Ульяна слушала. Потом научилась уходить в свою комнату, ссылаясь на уроки, усталость или головную боль.

– Я знаю, папа.

– Не говори так.

Олег бережно поднял фотографию. Большим пальцем он провёл по лицу Светланы, разглаживая едва заметный залом на бумаге.

– Она тебя очень любила.

Ульяна отвернулась к раковине. Ей отчаянно захотелось, чтобы отец наконец замолчал. Сегодня у неё совсем не было сил снова выслушивать историю их несчастливой семьи.

– Пап, давай не сегодня, ладно?

Но Олег, казалось, её не слышал.

– Ты же маленькая совсем была. Не помнишь ничего. А она с тобой возилась постоянно. Помню, как ты заболела однажды... Температура под сорок, а Света всю ночь возле тебя просидела. Даже прилечь отказалась. Я ей говорю: иди поспи, я сам побуду. А она...

Он замолчал, разглядывая фотографию. На лице появилась слабая улыбка, но вскоре исчезла.

Ульяна с силой опустила тарелку в раковину. Та громко звякнула о другую посуду.

– Пап, хватит!

Олег вздрогнул и поднял на неё глаза.

Ульяна сразу пожалела о своей вспышке. Перед ней сидел усталый, постаревший раньше времени человек, который четырнадцать лет никак не мог смириться с исчезновением любимой женщины. Она знала, что он снова будет пить, если оставить его одного. Знала и то, что завтра отец проснётся с больной головой и станет виновато избегать её взгляда.

Но сейчас ей было жаль и его, и себя.

– Прости, – произнесла она уже мягче. – Я очень устала. Давай я здесь всё уберу, а ты ложись спать. Хорошо?

Олег опустил голову. Какое-то время он молча разглядывал снимок, а потом вдруг произнёс:

– Я ведь её выгнал.

Ульяна перестала складывать тарелки.

Она медленно повернулась к отцу, решив, что ослышалась.

– Что ты сказал?

Олег невесело усмехнулся.

– Вот видишь. А говоришь, что всё знаешь.

Он потянулся к бутылке, взял её за горлышко и попробовал налить остатки водки в стакан. Ульяна подошла и осторожно забрала бутылку из его руки.

– Всё, пап. На сегодня достаточно.

Несколько секунд он смотрел на неё с недовольством. Ульяна приготовилась к обычным возражениям, но Олег неожиданно отпустил бутылку и снова опустил взгляд на фотографию.

– Последний раз мы разговаривали ночью, – произнёс он.

Что-то в его голосе заставило Ульяну насторожиться. Отец много рассказывал о том, какой была Светлана, вспоминал их знакомство, свадьбу, первые годы совместной жизни. Но стоило разговору коснуться последних дней перед её исчезновением, как он неизменно замыкался в себе или начинал сердиться.

Ульяна выключила воду. На кухне стало тихо. Только холодильник негромко гудел у стены.

Она отодвинула стул и села напротив отца.

– Что тогда произошло?

Олег поднял на неё глаза. Ульяне вдруг показалось, что он совершенно протрезвел. Взгляд стал ясным, почти испуганным, словно он сам удивился тому, что решился заговорить об этой ночи.

Он долго молчал, машинально поворачивая фотографию на столе. Ульяна терпеливо ждала, боясь спугнуть неожиданную откровенность.

Наконец Олег тяжело вздохнул.

– Ничего особенного.

Он снова посмотрел на улыбающуюся Светлану и добавил совсем тихо:

– Поэтому хуже всего.

XI

Светлана вернулась в три семнадцать.

Олег запомнил это время навсегда. Он сидел на кухне в темноте, курил у приоткрытого окна и время от времени поглядывал на часы. За последние два часа он успел выкурить почти полпачки, несколько раз собирался позвонить жене и всякий раз откладывал телефон. Ему хотелось верить, что вот сейчас она вернётся и всё объяснит.

Когда в замке наконец повернулся ключ, Олег затушил сигарету, но из кухни выходить не стал.

Светлана старалась не шуметь. Осторожно прикрыла входную дверь, сняла обувь, поставила её у стены. В темноте прихожей он различал только её силуэт.

– Хорошо погуляла?

Светлана вздрогнула и обернулась на голос.

– Господи, Олег! Ты чего не спишь?

– Жену жду.

Она устало вздохнула. Олег знал этот вздох. В последнее время Светлана всё чаще отвечала им на его вопросы, и он начинал ненавидеть этот звук.

– Давай только не сейчас, ладно?

– А когда, Свет? Когда мне можно будет с тобой поговорить?

Она вошла на кухню, остановилась возле стола и потёрла ладонями лицо. На ней были джинсы и тёмная куртка. Волосы растрепались, на рукаве виднелось грязное пятно. От одежды пахло сыростью и лесом. Олег невольно подумал, что жена, должно быть, провела несколько часов на улице.

Потом он заметил царапину у неё на щеке.

– Это ещё откуда?

Светлана коснулась лица и поморщилась, словно только сейчас вспомнила о повреждении.

– Ничего страшного.

– Кто тебя поцарапал?

– Олег, пожалуйста...

Он поднялся и включил свет. Светлана зажмурилась, прикрыв глаза ладонью.

– Ты третий раз за месяц возвращаешься под утро, – произнёс он, стараясь говорить спокойно. – Уходишь неизвестно куда, телефон не берёшь, теперь ещё и это. Может, объяснишь наконец, что происходит?

Светлана отняла руку от лица и посмотрела на него. Выглядела она ужасно усталой. Олег заметил тёмные круги под глазами и вдруг вспомнил, какой была его жена ещё несколько месяцев назад. Как смеялась над его шутками, как встречала с работы, как по утрам приходила на кухню в его рубашке и жаловалась, что он опять выпил весь кофе.

Теперь она почти перестала смеяться. Часто замолкала посреди разговора, прислушивалась к чему-то, просыпалась среди ночи. Иногда Олег замечал, что Светлана смотрит на спящую Ульяну с каким-то странным выражением, и тогда ему становилось не по себе.

Он много раз пытался поговорить с ней. Каждый раз всё заканчивалось одинаково.

– Давай завтра, – попросила Светлана. – Я очень устала.

– Нет, Света. Завтра ты опять скажешь, что устала. Или уйдёшь куда-нибудь. Я хочу знать, что происходит с моей женой.

Последние слова прозвучали громче, чем он собирался.

Светлана бросила тревожный взгляд в сторону коридора.

– Тише. Улю разбудишь.

– А ты о ней вообще вспоминаешь, когда пропадаешь на всю ночь?

Светлана резко повернулась к нему. На секунду Олегу показалось, что она сейчас рассердится по-настоящему, но жена только стиснула зубы и отвела глаза.

Он почти жалел о сказанном. Почти.

– Где ты была, Света?

Она молчала, теребя край рукава. Олег ждал, чувствуя, как с каждой секундой ему становится всё труднее сохранять спокойствие.

– У тебя кто-то есть?

Светлана подняла голову. Несколько мгновений она смотрела на мужа с таким искренним недоумением, что он почувствовал себя глупо. Затем она вдруг рассмеялась. Смех вышел коротким, нервным.

– Господи, Олег! Ну что ты такое придумал?

Ему стало ещё обиднее. Он всю ночь просидел здесь, представляя самое страшное, а она смеётся.

– Тогда скажи, где ты была.

Улыбка исчезла с её лица.

– Не могу.

– Почему?

Светлана опустилась на стул и сцепила руки перед собой. Большие пальцы беспокойно тёрлись друг о друга.

– Я обещаю, что однажды всё объясню. Мне просто нужно немного времени.

Олег смотрел на её руки. Он прекрасно помнил эти пальцы, тонкие, с коротко остриженными ногтями. Помнил, как впервые взял её за руку, когда они гуляли возле озера. Как Светлана тогда смутилась и спрятала лицо у него на плече.

Ему захотелось подойти, обнять её и попросить только об одном: пусть скажет правду, какой бы та ни оказалась.

Но вместо этого он спросил:

– Сколько ещё мне ждать?

Светлана не ответила.

Олег нервно затушил сигарету, хотя давно уже перестал курить её, и принялся переставлять пепельницу с одного края стола на другой. Он чувствовал себя униженным. В собственном доме ему

приходилось выпрашивать у жены объяснения, а она даже не считала нужным что-нибудь придумать.

– Ты вообще собираешься с нами оставаться?

Светлана вскинула голову.

– Что?!

– Ты слышала.

– Не говори ерунды, Олег!

Последнее слово прозвучало слишком громко. Из детской донёсся шорох, затем тихий скрип кровати. Оба замолчали и прислушались.

Несколько секунд ничего не происходило.

Светлана первой поднялась со стула и заглянула в коридор. Убедившись, что дочь не проснулась, она вернулась на кухню, но садиться больше не стала.

– Пожалуйста, – заговорила она почти шёпотом. – Дай мне немного времени. Я сама во всём разберусь.

– В чём разберёшься?

Она отвернулась к окну.

Олегу захотелось схватить её за плечи, повернуть к себе и заставить наконец ответить. Он сдержался, но злость уже захватила его целиком.

Теперь он был уверен, что всё понял. У Светланы появился другой мужчина. Возможно, она ещё не решила, с кем останется. Отсюда ночные исчезновения, постоянная усталость, нежелание разговаривать. Даже царапина на щеке вдруг получила в его воображении совершенно определённое объяснение.

Он почувствовал тошноту.

– Кто он?

Светлана медленно повернулась.

– Кто?

– Мужчина, с которым ты встречаешься.

Она долго смотрела на него. Затем покачала головой, и в её взгляде появилась такая усталость, что Олег на мгновение усомнился в собственной догадке.

– Никого нет.

– Не ври мне.

Светлана закрыла лицо ладонями. Олег видел, как тяжело она дышит, как вздрагивают её плечи. Он ждал оправданий, слёз, признания. Чего угодно, лишь бы наконец прекратилась эта мучительная неизвестность.

Она опустила руки.

– Я люблю тебя, Олег.

Он рассмеялся.

Позже, вспоминая эту ночь, он больше всего стыдился именно своего смеха. В нём было столько злого, обиженного торжества, словно он наконец поймал жену на лжи.

Светлана вздрогнула. Её лицо изменилось, и Олег заметил, что она с трудом сдерживает слёзы.

– Я никогда...

– Если тебе с нами так плохо, уходи.

Он произнёс это почти спокойно. Даже сам удивился, насколько легко дались ему эти слова.

Светлана замолчала.

Олег ждал, что она начнёт возражать, назовёт его дураком, рассердится. Обычно в таких случаях они ссорились, потом мирились, и всё постепенно возвращалось на свои места.

Но жена только смотрела на него.

В её глазах что-то изменилось. Она словно пыталась запомнить его лицо, рассмотреть каждую черту. Олегу вдруг стало не по себе.

Несколько секунд он ещё мог всё исправить. Достаточно было подойти, взять её за руку, сказать, что он испугался, что за последние недели почти перестал спать, что любит её и отчаянно боится потерять.

Светлана ждала.

Он видел это и всё равно не смог заставить себя сделать первый шаг.

– Уходи, – повторил он.

Светлана медленно кивнула.

– Хорошо.

Она произнесла это так тихо, что Олег едва расслышал.

Затем повернулась и пошла к выходу.

Он остался стоять возле стола, растерянно глядя ей вслед. Вся злость куда-то исчезла, уступив место неприятному, почти детскому страху. Ему вдруг захотелось, чтобы Светлана вернулась на кухню, накричала на него, бросила чем-нибудь в стену.

Из прихожей донёсся шорох одежды.

– Свет...

Он сделал несколько шагов к двери.

– Света, подожди.

Щёлкнул замок.

– Стой!

Входная дверь захлопнулась.

Олег вышел в прихожую. Несколько секунд он стоял перед закрытой дверью, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Можно было выскочить на лестничную площадку, догнать её, вернуть домой.

Он даже протянул руку к замку, но остановился.

Пусть немного остынет. Погуляет, подумает. К утру обязательно вернётся. Куда ей идти среди ночи?

Но утром Светлана не вернулась.

Олег сначала сердился. Потом начал беспокоиться. К вечеру обзвонил её подруг, знакомых и родственников. Никто не знал, где она. Никто не видел её после той ночи.

На следующий день он уже почти не отходил от телефона.

Через три дня написал заявление в полицию. Обзвонил больницы, объехал морги. Расспрашивал соседей, снова звонил всем,

кто мог хоть что-нибудь знать о Светлане. Он рассказал полицейским об их ссоре, но каждый раз, доходя до последних слов, чувствовал, как пересыхает во рту.

Ему казалось, что рано или поздно кто-нибудь обязательно скажет: «Мы её нашли».

Прошёл месяц. Потом второй.

Олег всё ещё прислушивался к шагам на лестничной площадке. Вечерами оставлял свет в прихожей, хотя сам не мог объяснить зачем. Иногда ему чудилось, что в замке поворачивается ключ, и тогда он бросал всё и шёл открывать дверь.

Через год он по-прежнему просыпался от малейшего шума за стеной.

Со временем Ульяна перестала спрашивать, когда вернётся мама. А Светлана так и не появилась.

Он ещё много лет возвращался мыслями к той ночи, вспоминал каждое слово, каждый жест. Особенно последние несколько секунд, когда жена стояла перед ним и ждала, а он мог удержать её одним движением руки.

Но всякий раз воспоминание заканчивалось одинаково.

Светлана говорила «хорошо», уходила, а он оставался стоять возле кухонного стола.

XII

– Я сказал ей уйти, – повторил Олег.

Ульяна сидела неподвижно. Теперь многое становилось понятнее.

– Если бы я тогда заткнулся, всё могло быть по-другому.

Ульяна почти рассмеялась от бессилия. Он шестнадцать лет жил с этой мыслью, а Светлана была жива, и жила совсем рядом. Встречалась с дочерью, учила её бегать по лесу, разговаривала о Стае, и знала, что Олег ждёт.

– Ты не виноват, – сказала Ульяна.

Он поднял глаза.

– Откуда тебе знать?

– Она бы всё равно ушла.

Ульяну вдруг захлестнула злость. Она вскочила и посмотрела на карточку.

Фотография лежала между ними. Светлана улыбалась. Молодая, красивая, и такая невинная. Ульяна смотрела на неё и видела в ней уже другую женщину. С холодными глазами, со шрамом на животе.

Она схватила фотографию.

– Отдай!

Олег не успел.

Ульяна распахнула окно и вышвырнула карточку наружу. Та мелькнула белым прямоугольником и исчезла.

Олег застыл. Ульяна тоже. Злость ушла мгновенно.

– Пап...

Он смотрел на открытое окно.

– Я...

Олег поднялся. Лицо стало странно спокойным.

– Да, наверное, правильно. Давно хотел это сделать.

Она бросилась к нему, обняла, пыталась утешить. Но он отстранился и, пошатываясь, вышел из комнаты. Через секунду хлопнула входная дверь.

Ульяна уткнулась в подушку и проплакала до самого утра. А когда с опухшими глазами вышла в зал – на столе, прислонённая к пустой вазе, стояла та же карточка. Уже без рамки.

XIII

Светлана появилась через две недели. Ульяна уже начала думать, что до конца лета они больше не увидятся. Август стоял сухой и жаркий. Днём город плавился, асфальт становился мягким под ногами, автобусы пахли пылью и разогретым пластиком. Даже ночью легче почти не становилось.

Сообщение пришло после полуночи. «Завтра. Старое место. В шесть». Ни приветствия, ни объяснений. Ульяна прочитала дважды, и выключила экран. Утром сказала отцу, что задержится после колледжа.

Олег только кивнул.

Последние две недели они оба вели себя так, словно вечера с фотографией не было. Олег почти не пил. Карточка Светланы по-прежнему стояла у вазы. Ульяна больше её не трогала.

XIV

Ручей, у которого Ульяна встречала бесцветногоглазого, почти пересох. Между камнями оставалась узкая тёмная полоска воды. Светлана сидела на поваленном стволе. Сегодня мать выглядела неважно: волосы распущены, лицо усталое, под глазами залегли тёмные круги.

– Что случилось? Ужасно выглядишь.

– Спасибо.

Светлана похлопала ладонью по стволу рядом, но Ульяна осталась стоять.

– Он четырнадцать лет винит себя.

– Знаю.

– Почему ты всё-таки ушла?

Мать отвернулась к ручью и долго молчала.

– Однажды ночью я подошла к твоей кровати. Стояла рядом и смотрела, как ты спишь. Слышала твоё сердце.

Ульяна ничего не сказала.

– Чувствовала кровь под кожей, – продолжила Светлана. – Слышала, как она бежит по венам. Её запах был такой сильный.

Голос оставался спокойным.

– Я просидела до утра на лестнице этажом ниже.

Ульяна вспомнила свои первые приступы голода. Случайно порезанный палец одноклассницы, металлический запах крови и мгновенно наполнившийся слюной рот.

– Почему ты не рассказала папе?

– Что? Что иногда смотрю на собственного ребёнка и думаю о крови? Тогда я сама мало что понимала.

– А тот мужчина?

Что-то изменилось в лице Светланы. Ульяна это заметила.

– Какой мужчина?

– Из-за которого папа решил, что ты ему изменяешь.

Светлана молчала слишком долго. Ульяна почувствовала, как внутри что-то шевельнулось.

– Значит, всё-таки он был.

– Был человек, с которым мне пришлось общаться.

– Кто?

– Сейчас это не имеет значения.

– Для тебя, может быть.

– Ульяна.

– Как его зовут?

Светлана посмотрела прямо ей в глаза.

– Не сегодня.

Ульяна отвернулась.

– Конечно. Снова «не сегодня». Снова «потом».

Она закинула рюкзак на плечо, собираясь уйти, но Светлана вскочила и взяла её за руку. Ульяна посмотрела на пальцы матери.

– Что ещё?

– Мне нужно, чтобы в субботу ты поехала на озеро.

– На какое?

Светлана назвала место, которое Ульяна хорошо знала. Сердце забилось быстрее.

– Возьми с собой Олега.

– Нет.

– Уля...

– Даже не проси.

– Выслушай меня.

– Зачем он тебе? Зачем ты хочешь его увидеть? Почему именно там?

Светлана отошла. Несколько секунд смотрела на воду.

– Потому что там всё началось.

– Что?

Светлана улыбнулась очень устало.

– Наша семья.

Ульяна не ожидала такого ответа. Мать подняла голову.

– Мы впервые поцеловались там.

Светлана смотрела куда-то далеко. На несколько секунд перед Ульяной снова была та женщина со старых фотографий.

– Мы потом ездили туда каждый год.

– Я помню.

– Ты почти ничего не можешь помнить.

– Кое-что помню.

Светлана посмотрела на неё.

– Например?

– Как ты нарисовала папе рожицу зубной пастой, пока он спал. Он загорел, и эта рожица долго не сходила с его спины.

Мать рассмеялась.

– Он потом три дня на меня дулся.

– Он говорит, месяц.

– Врёт.

Они обе улыбались, и Ульяна вдруг удивительно ясно представила их троих там, у озера. Молодых, счастливых, ещё не знающих, чем всё закончится.

XV

Олег согласился сразу. Через полчаса квартира напоминала склад давно забытых вещей. На полу лежали две удочки, старый садок, погнутые складные стулья, котелок и палатка, которую Олег никак не мог собрать.

– Она сломана, – сказала Ульяна.

– Ничего она не сломана.

Он дёрнул дугу. Что-то хрустнуло. Олег замер.

– Теперь сломана.

Ульяна засмеялась. Он посмотрел на неё и тоже улыбнулся. Она давно не видела его таким. Прежним.

Олег достал из шкафа старую коробку.

– Смотри.

Внутри лежали поплавки, крючки, блёсны и маленький складной нож.

– Этому лет сто.

– Между прочим, твоя мать мне его подарила. Улыбка у Ульяны исчезла. Олег этого не заметил. Он перебирал снасти и рассказывал, как Светлана однажды поймала окуня больше его, как они забыли соль и ели совершенно пресную уху, как однажды всю ночь спасали палатку от дождя тазиками и кастрюлями.

Ульяна слушала и впервые понимала, что Светлана присутствовала почти в каждом хорошем воспоминании его молодости.

К вечеру они сходили в магазин. Купили две дешёвые удочки, упаковку червей, тушёнку, картошку, хлеб и сыр. Олег долго стоял возле полки с алкоголем. Ульяна наблюдала молча. Он взял бутылку водки. Подержал. Потом поставил обратно.

Ульяна смотрела, как он ставит бутылку обратно на полку, и вдруг пожалела, что вообще предложила эту поездку. Слишком уж легко всё складывалось.

XVI

До озера добирались почти четыре часа. Сначала электричкой, душной и набитой дачниками. Потом автобусом до небольшого посёлка. Последние несколько километров пришлось идти пешком.

Олег сетовал на жару, рюкзак и новые кроссовки, которые натирали пятку, но настроение у него оставалось хорошим.

– Раньше мы быстрее доходили.

– Раньше тебе было двадцать пять.

– Двадцать семь.

– Огромная разница.

– В твоём возрасте два года действительно огромная разница.

Ульяна фыркнула и пошла быстрее.

Лес становился гуще. Солнце мелькало между ветвями, под ногами хрустела сухая хвоя. Здесь было прохладнее, хотя воздух всё равно стоял тяжёлый. Ульяна шла впереди. Она чуяла дорогу. Знала уже, что увидит впереди, за поворотом: воду, тину, нагретую солнцем золотую кору сосен, дым далёких костров, людей. Очень много людей. И ещё один запах. Едва различимый, но Ульяна поняла, что мать уже проходила здесь не так давно.

Через несколько минут между соснами блеснула вода. Олег ускорил шаг, а потом резко остановился. Ульяна едва не врезалась ему в спину.

Озеро было тем же. И всё-таки другим.

На берегу стояли машины. Между деревьями были натянуты палатки и тенты. Из переносной колонки гремела музыка. Где-то визжали дети. В воде плавали надувные матрасы. На песке валялись окурки, пакеты и пластиковые бутылки.

Олег медленно снял рюкзак.

– Ничего себе.

Ульяна смотрела на него.

– Ты думал, здесь никого не будет?

– Я думал, сюда до сих пор фиг доберёшься.

К озеру теперь вела хорошо укатанная грунтовая дорога. Возле самого берега стояли три машины. Олег молча стоял и смотрел на место, которое помнил другим.

Ульяна вдруг представила его молодым. С удочкой, рюкзаком за спиной, рядом Светлана, которой ещё не нужно было скрываться в лесах.

– Пойдём дальше, – сказала она. – Может, с другой стороны потише.

Они двинулись вдоль берега. Олег то и дело оглядывался.

– Вот здесь мы ставили палатку.

Через несколько минут:

– А там был огромный муравейник.

Ещё дальше:

– Здесь ты чуть не утонула.

Ульяна остановилась.

– Что?

– Да ничего страшного. Тебе по колено было.

Ульяна улыбнулась.

– Похоже на меня.

Они нашли свободный участок на дальнем берегу.

Место оказалось неудобным. Земля уходила под уклон, вокруг торчали корни, кусты почти вплотную подходили к воде.

Зато людей поблизости почти не было. Олег сбросил рюкзак и принялся собирать палатку. Когда с установкой было покончено, он оставил Ульяну раскладывать в ней вещи, а сам взял удочки и пошёл к воде. Ульяна наблюдала за ним из палатки.

Он возился с леской, насаживал червя, ворчал себе под нос. Потом закинул удочку и замер. Совсем как на фотографии. Только волосы поседели. Плечи немного опустились. И Светланы рядом не было.

XVII

Первым Олег поймал небольшого окуня. Осторожно снял его с крючка, повертел в руках, оценивая добычу, и с явным сожалением отпустил обратно в озеро.

– Благородно, – заметила Ульяна, наблюдавшая за ним с берега.

– Там и есть-то нечего, – проворчал отец, вытирая руки о траву.

Ульяна взяла лежавшую рядом вторую удочку, поправила наживку и забросила леску подальше от берега. Поплавок плюхнулся в воду и, покачавшись, замер. Она устроилась рядом с отцом, вытянула ноги и подставила лицо солнцу.

Вскоре Олег вытащил ещё одного окуня, на этот раз совсем крошечного. Рыбёшка отчаянно трепыхалась у него в ладони, растопырив колючий спинной плавник.

– Этот, наверное, сын первого, – предположила Ульяна.

– Иди отсюда, – беззлобно буркнул Олег, стараясь освободить крючок.

Она рассмеялась.

Третий окунёк сорвался у самой поверхности, сверкнув серебристым боком. Олег проводил его таким возмущённым взглядом, словно рыба нанесла ему личное оскорбление. Он принялся ворчать, что озеро окончательно обмелело, вся приличная рыба куда-то перевелась, а нынешним рыбакам остаётся ловить одну мелочь.

Ульяна слушала его жалобы с удовольствием. Отец говорил почти тем же тоном, каким когда-то ругал футбольных судей перед телевизором.

Она уже собиралась поддеть его очередным замечанием, когда поплавок на её удочке дрогнул, чуть приподнялся над водой и внезапно исчез.

– Пап, кажется, у меня клюёт!

Удилище дёрнулось, леска натянулась. Ульяна растерянно приподнялась с травы, обеими руками вцепившись в рукоятку.

Олег мгновенно оказался рядом.

– Осторожно! Не тяни так резко!

– Я ещё ничего не сделала!

– Ты сейчас леску порвёшь! Держи выше!

Рыба рванулась в сторону, и удилище согнулось ещё сильнее. Ульяна почувствовала неожиданную тяжесть на другом конце лески. Она попыталась подтянуть добычу, но та упорно сопротивлялась.

– Давай сюда! – Олег протянул руку к удочке.

– Нет! Я сама!

– Да не дёргай ты! Дай ей немного походить!

– Пап, ты мне только мешаешь!

Он принялся суетиться вокруг дочери, то хватаясь за удилище, то указывая, куда следует вести рыбу. Ульяна уже почти перестала понимать его команды, но сдаваться не собиралась.

Наконец у самого берега мелькнула широкая серебристая спина.

– Вот она! – радостно закричал Олег. – Тихонько теперь, тихонько...

Рыба вдруг резко дёрнулась. На поверхности взметнулись брызги, леска ослабла, и через мгновение добыча исчезла в глубине.

Ульяна так и осталась стоять с поднятой удочкой.

Олег замолчал. Несколько секунд они смотрели на воду, где расходились последние круги, затем медленно повернулись друг к другу.

– Это ты виноват, – с укором произнесла Ульяна.

– Конечно, – согласился отец, стараясь сохранить серьёзное выражение лица.

– Ты всё время орал!

– Я помогал!

– Рыбе?

Олег не выдержал и расхохотался. Ульяна ещё пыталась изображать обиду, но вскоре тоже рассмеялась.

Какое-то время они стояли у самой воды и смеялись над своей неудачей. Потом Олег забрал у дочери удочку, проверил крючок и принялся рассуждать, что рыба наверняка была килограмма на два, а то и на все три. Ульяна насмешливо поглядывала на него, прекрасно понимая, что с каждой минутой сорвавшаяся добыча будет становиться всё крупнее.

Она давно не видела отца таким оживлённым.

За последние годы Ульяна привыкла к другому Олегу: молчаливому, раздражительному, часами сидящему на кухне перед телевизором. Теперь он снова шутил, увлечённо рассказывал что-то о рыбалке и совершенно искренне огорчался из-за упущенной рыбы.

Ульяна вдруг поняла, что уже много лет они не проводили целый день вместе. За домашними заботами, учёбой и бесконечными разговорами о прошлом как-то незаметно исчезли их прежние прогулки, поездки и общие маленькие радости.

Сегодня всё было почти как раньше. Отец смеялся, солнце пригревало плечи, у берега тихонько плескалась вода. Ульяне хотелось, чтобы этот день продолжался как можно дольше.

И тут она вспомнила о свёртке с травами, который лежал в её рюкзаке.

Улыбка постепенно исчезла с её лица. Она посмотрела на отца, снова увлечённо забрасывавшего удочку, и почувствовала неприятный укол совести.

Он ведь понятия не имел, зачем они на самом деле сюда приехали.

Ульяна отвернулась к лесу. Ветер шевелил верхушки сосен, и между их тёмными стволами всё глубже сгущались тени.

Где-то там была Светлана.

Ульяна вдруг с тревогой подумала, что к завтрашнему утру их жизнь может измениться до неузнаваемости.

XVII

К вечеру отдыхающие начали разъезжаться. На противоположном берегу один за другим хлопали автомобильные двери, заводились моторы. Доносились последние окрики родителей, собиравших детей, чей-то недовольный плач. Постепенно озеро затихало, возвращаясь к привычным звукам леса.

Только одна компания, приехавшая ближе к вечеру, похоже, собиралась гулять до утра. Три девушки и четверо парней расположились возле самой воды. Рядом с машиной уже стояло несколько пустых бутылок, а из переносной колонки гремела музыка, которую было прекрасно слышно даже на дальнем берегу.

Олег время от времени поглядывал в их сторону и недовольно ворчал.

– Нельзя, что ли, музыку потише слушать? Тут ведь люди отдыхать приехали.

Ульяна усмехнулась, но промолчала.

Один из парней с разбега бросился в озеро прямо в шортах. Девушка с визгом последовала за ним, а остальные принялись хлопать и выкрикивать что-то ободряющее. До Ульяны долетели громкий девичий смех и плеск воды.

Олег покачал головой.

– Молодые...

– А ты таким не был? – поинтересовалась Ульяна.

– Никогда, – с самым серьёзным видом ответил отец.

Она недоверчиво посмотрела на него.

– Врёшь.

Олег выдержал её взгляд, но уголки губ предательски дрогнули.

– Ну, может, совсем немного.

Ульяна рассмеялась. Отец тоже улыбнулся и снова занялся удочками, которые собирался убрать до утра.

Солнце уже опускалось за сосны. Вода постепенно темнела, теряя дневной блеск, а над берегом потянуло прохладой. Ульяна принесла сухих веток и развела костёр. Олег достал котелок, принялся чистить картошку и вскоре с привычной обстоятельностью руководил приготовлением ужина.

С противоположного берега по-прежнему доносились музыка и смех. Олег несколько раз поглядывал туда, но больше не ворчал. Кажется, он успел смириться с шумными соседями.

Когда картошка уже варилась, отец вдруг заметил возле воды пустую пластиковую бутылку. Немного поодаль, среди корней, валялись ещё одна и рваный пакет.

Олег некоторое время смотрел на мусор, затем решительно поднялся.

– Вот свиньи. Неужели так трудно за собой убрать?

– Пап, оставь. Это ведь даже не наше.

Но Олег уже направлялся к берегу.

– А чьё? Озера, что ли? Так оно за собой не уберёт.

Ульяна проводила его взглядом, вздохнула и полезла в рюкзак за большим пакетом. Она прекрасно знала, что спорить бесполезно. Отец с детства приучал её уносить из леса весь мусор, причём иногда они забирали и чужой. Когда-то эта привычка ужасно её раздражала.

Теперь же, глядя, как Олег с совершенно серьёзным видом вытаскивает из кустов старую пластиковую бутылку, она невольно улыбнулась.

За четверть часа они набрали целый мешок.

– Доволен? – спросила Ульяна, возвращаясь к костру.

– Теперь порядок.

– У тебя очень своеобразное представление об отдыхе.

– Между прочим, полезным делом занялись. Рыбу сегодня всё равно не поймали.

– Я почти поймала!

– Вот именно. Почти.

Они снова рассмеялись.

Ужинали уже в сумерках. Олег ел с аппетитом, нахваливал картошку с тушёнкой и несколько раз говорил, что нужно обязательно выбраться сюда ещё раз. Потом откинулся на сложенный рюкзак, вытянул ноги к костру и посмотрел на темнеющее небо.

– Хорошо всё-таки, – произнёс он с удовольствием. – Давно надо было выбраться.

Ульяна сидела рядом, обхватив руками колени. Вечер получился таким спокойным и домашним, что ей на какое-то время удалось забыть о настоящей причине их поездки.

Она взглянула на отца. В отблесках костра его лицо казалось моложе, а морщины возле глаз почти исчезли. Он выглядел довольным, немного усталым и совершенно счастливым.

– Пап...

– Что, Ульяш?

Она замялась.

Ей вдруг отчаянно захотелось спросить, что бы он сделал, если бы Светлана сейчас вышла из леса. Подошла к костру, присела рядом с ним и заговорила, словно никогда никуда не уходила.

Наверное, он сначала даже не поверил бы своим глазам.

Ульяна попыталась представить их встречу и почувствовала, как сжимается горло.

– Ничего, – ответила она. – Просто так.

Олег повернул голову и внимательно посмотрел на дочь.

– С тобой сегодня весь день что-то происходит.

– Жарко, наверное.

Он недоверчиво покосился на неё. Ульяна уже успела застегнуть куртку до самого подбородка.

– Врёшь.

– У тебя научилась.

Олег усмехнулся, но расспрашивать дальше не стал.

На другом берегу снова раздались крики. Кто-то с шумным плеском прыгнул в воду, вызвав очередной взрыв хохота.

– До утра будут гулять, – проворчал Олег.

Ульяна посмотрела на небо. Последние полосы вечернего света исчезали за деревьями. Над водой постепенно поднимался туман, а в лесу уже почти ничего нельзя было различить дальше нескольких шагов.

И тогда она почувствовала знакомый запах.

Сначала едва заметный, смешавшийся с ароматом хвои и костровым дымом. Потом более отчётливый, горьковатый, с той особенной терпкой ноткой, которую Ульяна помнила по встречам со Светланой.

Она медленно повернулась к лесу.

Между соснами никого не было. Только ветер шевелил ветви, заставляя их тихонько поскрипывать.

Но запах доносился именно оттуда.

– Что такое? – спросил Олег.

Ульяна вздрогнула. Она даже не заметила, что отец наблюдает за ней.

– Кажется, там кто-то ходит.

Олег приподнялся на локте и посмотрел в сторону деревьев.

– Где?

– Да показалось, наверное.

Он прислушался, пожал плечами и снова устроился возле огня.

А Ульяна всё ещё смотрела в темноту.

Светлана была где-то рядом. Теперь дочь уже почти не сомневалась в этом.

Она вспомнила утренние наставления матери и почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. До сих пор всё происходило словно само собой: дорога, рыбалка, костёр, ужин. Теперь наступала та часть вечера, которой Ульяна боялась с самого начала.

– Пап, чаю хочешь?

– Конечно. Что за поход без чая?

Она поднялась, сполоснула котелок после ужина и налила в него воды. Пока та нагревалась, Ульяна несколько раз поглядывала

на отца. Олег сидел у огня, протянув к нему ладони, и тихонько напевал что-то себе под нос.

В боковом кармане рюкзака лежал небольшой свёрток, перевязанный ниткой.

Ульяна достала его, но развязывать сразу не стала.

«Весь пакет».

Она прекрасно помнила слова Светланы. Мать особенно подчеркнула, что травы нужно использовать целиком.

Какое-то время Ульяна стояла со свёртком в руке. Ей очень хотелось снова увидеть Светлану, задать ещё несколько вопросов, потребовать объяснений. Что будет с отцом? Зачем понадобилось привозить его к озеру? Почему он обязательно должен уснуть?

Но мать была где-то в лесу, а вода в котелке уже начинала закипать.

Ульяна осторожно развязала нитку.

Внутри оказались высушенные листья, хвоя и небольшие тёмные ягоды. От них исходил сильный, горьковатый аромат.

Олег сразу повернул голову.

– Ого! А это что у тебя такое?

– Травяной сбор.

– Дай понюхать.

Ульяна протянула ему свёрток. Олег поднёс его к лицу, вдохнул и неожиданно замер.

– Надо же...

Он понюхал ещё раз, уже внимательнее.

– Твоя мама такой чай делала.

Ульяна почувствовала неприятный холод в животе.

– Правда?

– Ну да. Один в один запах.

Олег вернул ей свёрток и на несколько секунд задумался.

– Она его любила заваривать, особенно когда мы сюда приезжали. Всё какие-то травки собирала. А я ничего в них не понимал.

Он улыбнулся своим воспоминаниям.

Ульяна отвернулась к костру.

Котелок уже кипел. Она высыпала в него содержимое свёртка и помешала ложкой. Сухие листья закружились в воде, тёмные ягоды постепенно опустились на дно. Настой быстро приобрёл насыщенный коричневый цвет.

На мгновение Ульяне захотелось снять котелок с огня и вылить всё содержимое в траву.

Когда чай достаточно настоялся, она налила полную кружку и протянула Олегу.

Тот осторожно сделал первый глоток.

– Горячий, зараза.

Он подул на поверхность, отпил ещё немного и вдруг улыбнулся.

– Слушай, а ведь действительно похоже.

– На мамин?

– Угу. Даже вкус тот же.

Ульяне захотелось выбить кружку у него из рук.

Она сидела совсем рядом и смотрела, как отец пьёт приготовленный ею настой. Он доверял ей настолько, что даже не поинтересовался, где она раздобыла эти травы.

– Хороший чай, – довольно произнёс Олег.

Ульяна отвела глаза.

Некоторое время они молчали. С противоположного берега всё ещё доносилась музыка, хотя теперь её почти заглушали голоса ночных насекомых.

– Пап...

– М-м?

Ульяна поколебалась. Вопрос, который весь вечер не давал ей покоя, неожиданно сам сорвался с языка.

– А если бы мама однажды вернулась...

Олег поднял глаза.

Ульяна сразу пожалела, что начала этот разговор.

– Что?

– Да ничего.

– Нет уж, договаривай.

Она посмотрела на огонь, стараясь подобрать слова.

– Ты бы смог её простить?

Олег перестал пить. Несколько секунд он рассматривал кружку, затем поставил её возле себя.

– Не знаю, Уля.

– Врёшь.

Он слабо усмехнулся.

– Наверное.

Некоторое время отец молчал, глядя на огонь. Ульяна уже решила, что больше ничего от него не услышит, но Олег неожиданно заговорил сам.

– Знаешь, я ведь четырнадцать лет представляю, как она однажды откроет дверь.

Ульяна повернулась к нему.

– И что ты ей скажешь?

Олег задумался. Видно было, что за эти годы он много раз задавал себе тот же вопрос.

– Раньше всякое представлял. Ругался с ней, требовал объяснений. Иногда даже думал, что дверь перед носом захлопну.

Он невесело усмехнулся.

– А теперь?

Олег посмотрел на дочь. В свете костра его глаза казались влажными.

– Ничего, Ульяш. Просто обнял бы её.

Ульяна почувствовала, как к горлу подступает комок.

Отец снова взял кружку и допил остывающий чай. Потом устроился поудобнее на рюкзаке, глядя на медленно догоравшие поленья.

Через некоторое время он начал зевать.

– Устал? – спросила Ульяна.

– Умотала старика.

Она попыталась улыбнуться.

– Тебе сорок с небольшим.

– Старость, дочь моя, приходит внезапно.

Олег поднялся, собираясь идти в палатку, но неожиданно покачнулся. Ульяна тут же оказалась рядом и поддержала его за локоть.

– Голова кружится?

– Да вроде нет, – пробормотал он, удивлённо прислушиваясь к собственным ощущениям. – Просто спать что-то ужасно захотелось.

Он потёр ладонью лицо и снова зевнул.

– Пойду, пожалуй, минут на пять прикорну.

– Ложись, пап.

– А ты?

– Посижу ещё немного. Костёр догорит, тогда и приду.

Олег сонно кивнул.

– Только долго не засиживайся.

Он уже сделал несколько шагов к палатке, но обернулся.

– Ульяш...

– Что?

Олег улыбнулся.

– Хорошо, что мы приехали.

Она с трудом заставила себя улыбнуться в ответ.

– Мне тоже, пап.

Он потрепал её по волосам и скрылся в палатке.

Через несколько минут оттуда уже доносилось ровное, глубокое дыхание.

Ульяна осталась у костра одна.

Она долго сидела неподвижно, прислушиваясь к отцу. Её обострившийся слух позволял различать удары его сердца даже сквозь плотную ткань палатки. Пульс был спокойным, дыхание размеренным. Пока всё выглядело так, словно Олег просто крепко уснул после долгого дня.

Но Ульяна никак не могла избавиться от тревоги.

На другом берегу продолжали смеяться. Кто-то включил новую песню, и музыка снова разнеслась над водой.

Луна уже поднялась над лесом. Почти полная, большая и светлая, она отражалась в озере, слегка колеблясь на мелкой ряби.

Ульяна посмотрела на неё и неожиданно почувствовала дрожь.

Сначала она решила, что замёрзла. Вечерняя прохлада действительно становилась ощутимее, а костёр почти догорел.

Потом издалека донёсся вой.

Ульяна замерла.

Звук шёл откуда-то из глубины леса, протяжный, низкий. Вскоре ему ответил второй, затем третий.

Она медленно поднялась.

На противоположном берегу музыка ненадолго стихла.

– Волки, что ли? – крикнул кто-то.

Послышались возбуждённые голоса. Один из парней попытался изобразить волчий вой, чем вызвал дружный хохот.

Ульяна почти перестала их слышать.

С ней происходило что-то странное.

Запахи, окружавшие её весь вечер, внезапно стали невероятно отчётливыми. Она чувствовала влажную землю под ногами, нагретую за день сосновую кору, золу в остывающем костре, воду и водоросли у берега. До неё доносились запахи людей с противоположной стороны озера: пот, алкоголь, табачный дым и что-то ещё, сладковато-металлическое.

Кровь.

Ульяна судорожно вдохнула.

Сердце забилось быстрее. Она ухватилась за ствол сосны, пытаясь справиться с нахлынувшими ощущениями.

Где-то совсем рядом хрустнула сухая ветка.

Ульяна резко повернула голову.

Между деревьями стояла большая тёмно-серая волчица.

Она почти сливалась с вечерними тенями, и только жёлтые глаза отчётливо выделялись в темноте.

Ульяна не могла объяснить, каким образом узнала её. Она никогда прежде не видела мать в волчьем облике. Но знакомый запах теперь чувствовался совершенно ясно, и сомнений больше не оставалось.

– Мама?.. – едва слышно произнесла она.

Волчица несколько секунд смотрела на дочь, затем развернулась и медленно пошла в лес. Отойдя на несколько шагов, остановилась и оглянулась.

Ждала.

Ульяна растерянно посмотрела на палатку.

– Пап...

Ей вдруг стало страшно оставлять его одного.

Она подошла ближе, осторожно отогнула полог и заглянула внутрь. Олег спал на боку, подложив ладонь под щёку. Дышал он глубоко и спокойно. Ульяна прислушалась к его сердцебиению, потом поправила сползшую с плеча куртку.

Отец даже не пошевелился.

Она ещё некоторое время стояла возле палатки, не решаясь уйти. Потом медленно выпрямилась и повернулась к лесу.

Волчица всё ещё ждала.

Из глубины леса снова донёсся вой, на этот раз гораздо ближе.

Ульяна почувствовала, как по всему телу пробежала дрожь. Она неожиданно ощутила сильнейшее желание побежать навстречу этому звуку. Забыть про палатку, озеро, костёр и всё, что ещё минуту назад казалось таким важным.

Она стиснула зубы, пытаясь справиться с собой. Но где-то глубоко внутри уже рождался ответ.

IIXX

Ульяна сделала несколько шагов к деревьям и остановилась. Ей вдруг показалось безумием оставлять отца одного, посреди леса, где совсем недавно слышался волчий вой.

Она оглянулась на палатку. Сквозь неплотно закрытый полог виднелся угол спального мешка. Олег по-прежнему крепко спал, и Ульяна даже отсюда различала его спокойное дыхание.

– С ним ведь ничего не случится? – тихо спросила она, обращаясь к волчице.

Светлана остановилась и повернула голову.

Разумеется, ответа Ульяна не получила.

Она невесело усмехнулась собственной глупости, ещё раз посмотрела на палатку и направилась вслед за матерью.

В лесу было гораздо темнее, чем на берегу. Лунный свет с трудом пробивался сквозь густые сосновые кроны, и Ульяне приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о корни. Светлана двигалась впереди совершенно бесшумно, уверенно выбирая дорогу между деревьями. Иногда останавливалась и оглядывалась, проверяя, успевает ли дочь за ней.

Спустя несколько минут они вышли на небольшую поляну. Здесь росла невысокая трава, а в центре лежало несколько крупных валунов, покрытых мхом. Над деревьями поднималась луна.

Волчица остановилась.

Ульяна подошла ближе. Её всё ещё удивляло, насколько естественным казалось присутствие рядом огромного зверя. Она видела сильные лапы, густую тёмно-серую шерсть, крупные зубы, которые иногда показывались из-под губ. И всё же перед ней была мать.

– И что теперь? – спросила Ульяна.

Светлана медленно приблизилась и коснулась носом её ладони. Затем отошла на несколько шагов.

Ульяна почувствовала странное покалывание в пальцах.

Она встряхнула рукой, решив, что та затекла, но неприятное ощущение только усилилось. Через несколько секунд покалывание распространилось выше, к локтям. Пальцы начали неметь.

– Мам?

Волчица насторожила уши.

Ульяна попыталась сделать шаг и неожиданно ощутила сильную боль в пояснице. Она согнулась, прижав ладонь к спине.

Боль быстро нарастала.

Ей показалось, что мышцы вдоль позвоночника одновременно свело судорогой. Она попыталась выпрямиться, но не смогла. Колени подогнулись, и Ульяна упала на четвереньки.

– Что... что со мной?

Она едва узнавала собственный голос.

Светлана подошла ближе. Ульяна увидела перед собой её лапы, большие, с тёмными когтями, и отчаянно захотела ухватиться за мать, как делала в детстве, когда чего-нибудь пугалась.

Но руки больше не слушались.

Боль дошла до плеч. Ульяна вскрикнула, почувствовав, как под кожей движутся мышцы. Суставы выворачивало, пальцы непроизвольно сгибались, а в груди стало тесно, словно для следующего вдоха больше не осталось места.

Она попыталась позвать мать, но вместо слова из горла вырвался хрип.

Волчица стояла совсем рядом. Ульяна видела её жёлтые глаза и понимала, что Светлана наблюдает за происходящим совершенно спокойно.

Новая судорога заставила её выгнуться. В позвоночнике что-то громко хрустнуло. Ульяна закричала, но звук вышел непривычно низким и оборвался, когда изменившиеся челюсти перестали подчиняться ей. Куртка стесняла плечи. Она попыталась расстегнуть молнию, однако пальцы уже утратили прежнюю подвижность. Ткань натянулась, затрещала по швам.

Ульяна упала набок и судорожно втянула воздух. Ей казалось, что этому никогда не будет конца. Но постепенно боль начала отступать. Судороги становились слабее, между ними появлялись короткие промежутки облегчения. Последний болезненный спазм прошёл по всему телу, заставив её выгнуться ещё раз, и наконец мышцы расслабились.

Ульяна лежала на влажной земле, тяжело дыша. Некоторое время она боялась пошевелиться. Затем осторожно попыталась поднять руку. Перед глазами появилась покрытая тёмной шерстью лапа.

Ульяна замерла.

Она пошевелила пальцами, но вместо привычного движения увидела, как согнулись длинные когти. Попыталась повернуть кисть и обнаружила, что устроена она теперь совершенно иначе. Её охватил ужас.

Она хотела оттолкнуться от земли, сесть, осмотреть себя, но привычные движения больше не получались. Тело требовало другого положения, другой опоры. После нескольких неуклюжих попыток Ульяна наконец поднялась на все четыре лапы.

Мир оказался непривычно низким.

Трава касалась живота. Стволы деревьев выглядели огромными, а камни, возле которых она стояла совсем недавно, теперь возвышались над ней. Она повернула голову и неожиданно почувствовала движение позади себя. Хвост.

Ульяна попыталась посмотреть на него, повернулась слишком резко, потеряла равновесие и едва не упала. Светлана тихонько фыркнула.

Ульяна подняла голову.

Мать стояла рядом и смотрела на неё с таким выражением, что Ульяне вдруг показалось: если бы волки умели улыбаться, Светлана сейчас непременно рассмеялась бы. Она хотела возмутиться, но из горла вырвался короткий, совершенно чужой звук. Волчица подошла и осторожно ткнулась носом ей в шею.

От этого прикосновения Ульяна неожиданно успокоилась. Она сделала шаг, затем второй. Лапы двигались непривычно, но с каждым движением становилось легче. Попробовав пройти несколько метров, Ульяна обнаружила, что уже почти перестала задумываться, какую конечность переставлять следующей. И тут она впервые по-настоящему вдохнула.

Окружающий мир изменился. Воздух был наполнен запахами, которых прежде она даже не замечала. Под влажной травой пахло землёй и мелкими корнями. Из-под ближайшего валуна тянуло сыростью, мхом и чем-то звериным. Где-то неподалёку мышь пробиралась сквозь опавшую хвою, и Ульяна могла определить, откуда доносится её шорох.

Она повернула голову.

Ветер принёс запах озера, кострового дыма и людей. Ульяна почувствовала и запах отца, далёкий, знакомый. Он смешивался с другими, но она без труда узнала его среди множества чужих. На мгновение ей захотелось вернуться. Однако Светлана уже отходила к деревьям.

Она остановилась у края поляны, оглянулась на дочь и сделала несколько быстрых шагов, приглашая следовать за собой.

Ульяна нерешительно двинулась за ней.

Сначала она шла осторожно, пробуя новое тело. Затем ускорила шаг. Лапы пружинили, мышцы легко подхватывали движение. Она перешла на рысь и с удивлением обнаружила, что теперь почти не замечает неровностей почвы.

Светлана прибавила скорость. Ульяна последовала за ней.

Первые несколько секунд ей приходилось внимательно следить за дорогой. Потом движения стали получаться сами собой. Она бежала.

Хвоя мягко пружинила под лапами. Деревья мелькали по сторонам, ветви задевали густую шерсть. Ульяна легко перепрыгнула поваленный ствол, обогнула валун и понеслась дальше, чувствуя,

как с каждым прыжком тело становится всё послушнее. Ей хотелось бежать быстрее.

Светлана двигалась впереди, почти не касаясь земли. Иногда оглядывалась, и тогда Ульяна прибавляла скорость, стараясь догнать её.

Она уже не чувствовала усталости. Лёгкие свободно втягивали прохладный ночной воздух, сердце билось ровно и сильно. Всё тело было создано для этого движения, и Ульяна с восторгом открывала его возможности. Она перепрыгнула неглубокий ручей, едва коснувшись лапами мокрых камней, и неожиданно оказалась рядом с матерью.

Светлана оглянулась на дочь, и Ульяна, переполненная радостью, невольно издала короткий, похожий на лай звук. Мать словно восприняла его как приглашение к игре, прибавила скорость, заставив Ульяну броситься вслед.

Какое-то время они бежали рядом, то обгоняя друг друга, то снова сближаясь. Ульяна чувствовала движение матери, слышала её дыхание, различала каждый поворот головы. Ей не требовалось ни единого слова, чтобы понимать, куда Светлана собирается свернуть.

Они выбежали на широкий склон, поросший редкими соснами, и остановились. Внизу темнел лес. За ним, между деревьями, поблёскивала узкая полоска озера.

Ульяна тяжело дышала, но усталости почти не ощущала. Ей хотелось снова броситься вниз по склону, пробежать через весь лес, добраться до дальних холмов, увидеть, что находится за ними.

Она повернулась к матери. Светлана стояла рядом, подняв голову к луне. Несколько мгновений Ульяна смотрела на неё, чувствуя удивительную нежность. Ей хотелось прижаться к матери, рассказать, как ей хорошо, как сильно она испугалась во время превращения и какое невероятное счастье испытывает теперь. Она сделала шаг ближе. Светлана коснулась её морды своей, затем неожиданно подняла голову и завыла.

Ульяна вздрогнула.

Она слышала волчий вой прежде, но сейчас звук воспринимался совершенно иначе. Он проходил через всё тело, вызывая странное желание присоединиться.

Ульяна подняла голову.

Сначала у неё вырвался только хриплый, неуверенный звук. Она попыталась ещё раз и вдруг услышала собственный голос, протяжный и сильный, разносившийся над ночным лесом.

Светлана продолжала выть рядом и Ульяна отвечала ей. Впервые за много лет они были вместе, мать и дочь, и Ульяне казалось, что она наконец обрела что-то давно утраченное.

Затем из глубины леса им ответили. Сначала один голос, потом другой. Вой раздавался с разных сторон, постепенно приближаясь.

Ульяна опустила голову и настороженно посмотрела на мать. Светлана уже перестала выть. Она стояла неподвижно, прислушиваясь к голосам, а затем повернулась к дочери.

Их ждали.

IXX

Когда последние отголоски воя затихли, Ульяна насторожилась. Она вдруг почувствовала, что вокруг них множество живых существ. До неё доносились тихие шаги, шорох примятой травы, едва различимое дыхание. Ветер приносил незнакомые запахи, среди которых отчётливо выделялся запах волчьей шерсти.

Светлана стояла неподвижно, устремив взгляд на лес. Ульяна приблизилась к ней и остановилась рядом, не зная, чего ожидать.

Первый волк появился между деревьями почти бесшумно. Крупный, тёмный, с широкой грудью и густой шерстью, он остановился на границе освещённого луной склона и некоторое время внимательно смотрел на них. За ним вышла волчица поменьше, с почти белой мордой. Затем показались ещё несколько зверей.

Ульяна невольно попятилась.

Волков становилось всё больше. Они появлялись из разных участков леса, спускались по склону, выходили из-за валунов. Некоторые сразу направлялись к Светлане, другие останавливались поодаль и с явным любопытством разглядывали незнакомую молодую волчицу.

Ульяна прежде никогда не видела столько волков одновременно. Даже при нынешних размерах ей было не по себе среди этих сильных, уверенных в себе животных.

Особенно её настораживал огромный чёрный волк, появившийся одним из последних. На его груди виднелось небольшое белое пятно, а левое ухо было рассечено старым шрамом. Он двигался медленно, слегка припадая на переднюю лапу, и, подойдя к Светлане, опустил голову.

Мать ответила коротким движением морды.

Ульяна с удивлением наблюдала за происходящим. Волки подходили к Светлане по очереди, обнюхивали её, касались мордами. Некоторые задерживались подольше, другие почти сразу

отходили в сторону. В их поведении чувствовался порядок, смысл которого Ульяна пока не понимала.

Постепенно всё внимание собравшихся обратилось к ней.

Первой приблизилась светло-серая волчица. Она была заметно меньше Светланы, с узкой мордой и длинными ногами. Подойдя почти вплотную, незнакомка вытянула шею и осторожно обнюхала Ульяну.

Та растерялась.

Ей никогда прежде не приходилось знакомиться подобным образом. Она попыталась отступить, но сзади уже стоял другой волк. Ульяна резко повернулась, едва не столкнувшись с ним, и услышала низкое предупреждающее рычание.

Шерсть на её загривке непроизвольно поднялась.

Светлана мгновенно оказалась рядом. Она встала между дочерью и незнакомцем, коротко рыкнула, и тот сразу отошёл.

Ульяна почувствовала облегчение. Ей захотелось прижаться к матери, но она сдержалась, заметив, с каким вниманием остальные наблюдают за каждым её движением.

Светлана обернулась и осторожно коснулась носом её морды.

Ульяна постепенно успокоилась.

Она позволила светло-серой волчице снова приблизиться, а затем, подчиняясь возникшему желанию, сама потянулась к ней. Волчица охотно ответила на приветствие и даже осторожно лизнула её возле уха.

Ульяна удивилась, насколько легко поняла смысл этого жеста.

Вскоре к ней начали подходить остальные. Одни держались настороженно, другие проявляли откровенное любопытство. Молодой рыжеватый волк принялся обнюхивать её с такой бесцеремонностью, что Ульяна раздражённо отскочила в сторону, чем, кажется, вызвала у него ещё больший интерес.

Она попыталась отогнать его, но тот ловко увернулся и, припав на передние лапы, несколько раз подпрыгнул на месте.

Ульяна не сразу поняла, чего он добивается.

Рыжий снова приблизился, легко толкнул её плечом и отбежал на несколько шагов. Потом остановился и оглянулся.

Ульяна неожиданно почувствовала желание догнать его.

Она бросилась следом, и молодой волк с готовностью припустил вниз по склону. Далеко убежать ему не удалось: Ульяна быстро настигла его и попыталась схватить зубами за шерсть на загривке. Тот ловко вывернулся, развернулся и сам погнался за ней.

Они несколько раз обежали небольшой валун, толкаясь и уворачиваясь друг от друга, пока Ульяна окончательно не забыла о своей недавней неловкости.

Когда она вернулась к матери, тяжело дыша после короткой погони, Светлана встретила её спокойным, внимательным взглядом.

Теперь Ульяна чувствовала себя гораздо увереннее.

Она принялась рассматривать собравшихся волков и постепенно замечала всё больше различий. У каждого были свои движения, привычки, запахи. Один постоянно держал голову чуть набок, словно прислушивался к чему-то. Другой то и дело чесал задней лапой ухо. Молодая волчица с рыжими подпалинами предпочитала оставаться возле старого серого волка, который лежал на траве и, казалось, совершенно не интересовался происходящим.

Ульяну особенно удивило, что от некоторых зверей исходили вполне человеческие запахи. От чёрного волка со шрамом на ухе пахло табаком, а от небольшой бурой волчицы она уловила знакомый аромат хозяйственного мыла.

Значит, совсем недавно кто-то из них был человеком.

Эта мысль заставила Ульяну внимательнее взглянуть на окружающих.

Кем они были в обычной жизни? Где жили? Ходили ли на работу, ездили ли в автобусах, покупали ли продукты в магазинах? Может быть, она когда-нибудь встречала кого-то из них на улице

и даже не подозревала, что ночью этот человек способен превратиться в волка?

Ей захотелось расспросить обо всём Светлану. Она повернулась к матери и только тогда вспомнила, что сейчас не может произнести ни слова.

От собственного положения Ульяне стало немного смешно.

Светлана тем временем поднялась на небольшой камень, возвышавшийся над склоном. Она оглядела собравшихся волков, и те постепенно перестали двигаться. Даже молодой рыжий, только что задиравший Ульяну, оставил свои попытки затеять новую игру.

Мать стояла, высоко подняв голову, и Ульяна впервые увидела, с каким вниманием остальные следят за ней.

Теперь она начала понимать, о чём Светлана рассказывала на лесной поляне, когда показывала свой страшный шрам.

Перед ней действительно была Мать Стаи.

Ульяна вспомнила, что когда-то Светлане пришлось сражаться за это место. Ей трудно было представить мать в смертельной схватке с другой волчицей, хотя теперь она своими глазами видела, какими огромными и сильными могут быть эти звери.

Особенно страшной казалась мысль, что кто-нибудь из присутствующих однажды может бросить Светлане вызов.

Она невольно посмотрела на чёрного волка с рассечённым ухом. Тот стоял неподалёку от камня и внимательно наблюдал за матерью. Ульяна поспешно отвела взгляд.

Светлана спрыгнула на землю и направилась к лесу.

Остальные последовали за ней.

Ульяна некоторое время колебалась, затем бросилась догонять мать, которая уже скрывалась между соснами.

Стая двигалась быстро. Волки бежали по несколько рядом, иногда обгоняя друг друга, иногда расходясь между деревьями. Ульяна поначалу старалась держаться возле Светланы, но вскоре

увлеклась общим бегом и перестала следить за тем, кто находится впереди.

Ей нравилось ощущать рядом движение множества сильных тел, слышать ровное дыхание и мягкие удары лап о землю. Постепенно она начала угадывать намерения соседей ещё до того, как те меняли направление. Достаточно было лёгкого поворота головы или перемены шага, чтобы понять, куда сейчас свернёт бегущий рядом волк.

Иногда кто-нибудь из молодых обгонял её и тут же замедлялся, словно приглашая посоревноваться. Ульяна охотно принимала вызов и с каждым разом обнаруживала, что способна бежать всё быстрее.

Она уже почти перестала вспоминать о человеческом теле. Новое казалось удивительно удобным, сильным и выносливым. Ей нравилось ощущать прохладную землю под лапами и встречный ветер, который приносил бесконечное множество запахов.

Особенно приятно было бежать рядом с матерью.

Светлана время от времени приближалась к ней, слегка касалась плечом, а затем снова уходила вперёд. В этих коротких прикосновениях Ульяна чувствовала знакомую нежность. Ей вспомнилось детство, когда мать брала её за руку и они вместе бежали по дорожке к озеру, а отец кричал вслед, чтобы они не торопились и подождали его.

Воспоминание оказалось таким отчётливым, что Ульяна невольно замедлила шаг.

Отец.

Она совсем забыла, сколько времени прошло с тех пор, как они ушли от палатки.

Ульяна попыталась определить, где сейчас находится озеро. Сквозь многочисленные лесные запахи ей удалось уловить слабый след дыма, доносившийся со стороны их стоянки. Ещё дальше чувствовалось присутствие других людей.

Светлана заметила, что дочь отстала, и вернулась к ней.

Ульяна остановилась, вопросительно глядя на мать. Ей хотелось дать понять, что она беспокоится об Олеге и должна убедиться, что с ним всё хорошо.

Светлана приблизилась, обнюхала её морду и мягко подтолкнула вперёд.

Ульяна нехотя подчинилась.

Они снова побежали, однако теперь она уже не могла полностью отдаться радости движения. Время от времени ей приходилось останавливаться и прислушиваться к далёким звукам озера.

Вскоре лес начал редеть.

Сквозь деревья показалась вода, освещённая луной. Ульяна узнала знакомые очертания берега и почувствовала облегчение: они возвращались.

Но когда Стая вышла к озеру, Светлана неожиданно остановилась.

Остальные волки тоже замедлили шаг. Несколько зверей сразу направились к воде, другие остались среди деревьев, внимательно оглядывая берег.

Ульяна подошла ближе.

На противоположной стороне всё ещё горел костёр. Возле него двигались человеческие фигуры, доносились музыка и пьяные голоса. Молодая компания продолжала веселиться, совершенно не подозревая, сколько волков наблюдает за ней из темноты.

Чёрный волк со шрамом на ухе подошёл к Светлане. Он остановился рядом, поднял морду и несколько раз втянул воздух. Затем повернул голову в сторону человеческой стоянки. За ним последовали взгляды остальных. Ульяна почувствовала внезапное беспокойство.

Она подошла к матери и осторожно коснулась её плеча мордой, надеясь привлечь внимание. Светлана обернулась, но почти сразу снова посмотрела на озеро.

По берегу прошёл лёгкий ветер, принеся запах дыма, алкоголя и человеческого пота. Один из волков тихо зарычал. Ульяна насторожилась.

До этой минуты она воспринимала остальных как новых знакомых, с которыми можно бегать, играть и исследовать лес. Теперь же, глядя на их неподвижные фигуры и внимательно поднятые морды, впервые подумала о том, что собравшиеся здесь звери могут представлять смертельную опасность для людей. С противоположного берега донёсся очередной взрыв смеха. Светлана медленно повернула голову к дочери.

Ульяна встретила её взгляд и неожиданно почувствовала, что мать чего-то ждёт.

XX

Светлана некоторое время смотрела на Ульяну, затем медленно повернула голову к лесу. Почти одновременно насторожились и остальные волки. Чёрный зверь с рассечённым ухом перестал следить за отдыхающими на противоположном берегу и отступил от воды, освобождая проход между деревьями.

Ульяна прислушалась. До неё доносились музыка, плеск озёрной воды и шелест сосновых ветвей. Немного погодя она различила шаги человека, который неторопливо приближался по лесной тропе.

Это её удивило. Среди десятков запахов, окружавших Стаю, она без труда различала следы животных и людей, находившихся даже на противоположном берегу. Но теперь, отчётливо слыша человеческие шаги, никак не могла уловить запах приближавшегося незнакомца.

Она подняла морду и настороженно втянула воздух.

Ничего.

Из леса вышел мужчина.

На вид ему было около пятидесяти лет, хотя определить возраст точнее Ульяна не смогла бы. Высокий, худощавый, с прямой осанкой и короткими тёмными волосами, в которых заметно серебрилась седина. На нём были простые тёмные брюки и светлая рубашка с расстёгнутым воротом. Он остановился возле ближайшей сосны и неторопливо оглядел собравшихся зверей.

Человек посреди волчьей Стаи должен был казаться странным зрелищем, но незнакомец держался совершенно спокойно. Он даже не пытался выяснить, кто из волков может представлять для него опасность.

Впрочем, сами звери вели себя ещё удивительнее.

Те, что стояли ближе к тропе, молча расступились, пропуская мужчину. Молодой рыжий волк, ещё недавно затевавший игры с Ульяной, при его приближении опустил голову и отошёл к

остальным. Даже огромный чёрный волк со шрамом на ухе отступил в сторону, хотя прежде, казалось, никому не уступал дороги.

Светлана оставалась возле дочери. Когда незнакомец подошёл ближе, она сделала несколько шагов ему навстречу и тоже склонила голову.

Ульяна растерянно переводила взгляд с матери на мужчину.

Она видела, каким уважением пользуется Светлана среди волков, наблюдала за тем, как они подчиняются ей, и потому совершенно не ожидала увидеть кого-то, перед кем сама Мать Стаи станет держаться подобным образом.

Мужчина протянул руку и положил ладонь Светлане на голову. Та позволила ему погладить себя между ушами, после чего отошла на несколько шагов.

Ульяна почувствовала внезапное раздражение.

Ей не понравился этот жест. Было что-то неприятное в том, с какой естественностью незнакомец обращался с её матерью, хотя ещё недавно Светлана вызывала у всех окружающих безусловное почтение.

Мужчина тем временем перевёл взгляд на Ульяну.

Она невольно попятилась.

В лунном свете его лицо выглядело бледным, почти бескровным. Однако Ульяну испугала другая особенность: глаза незнакомца были настолько светлыми, что в них почти невозможно было различить цвет радужки.

Она уже видела эти глаза.

Мужчина между тем заметил её и остановился. Ульяна невольно отступила. Он некоторое время рассматривал молодую волчицу, затем чуть заметно улыбнулся.

– Вот мы и встретились снова.

Ульяна настороженно смотрела на него. Ей хотелось спросить, почему тогда, у ручья, он притворился, что они незнакомы, откуда знает её и что вообще связывает его со Светланой.

Мужчина словно понял, о чём она думает.

– Помнишь, что я тебе тогда сказал?

Ульяна замерла.

«Если лес захочет».

Его слова неожиданно вернулись в память с такой ясностью, что она даже вспомнила интонацию, с которой они были произнесены.

Незнакомец ещё немного понаблюдал за ней, после чего перевёл взгляд на Светлану.

– Что ж, теперь многое станет понятнее.

Ульяна почувствовала, что он намеренно оставляет её вопросы без ответа. В его спокойствии было что-то раздражающее, особенно теперь, когда она лишилась возможности говорить и могла только смотреть на него, пытаясь понять происходящее.

Ульяна почувствовала, как шерсть на её загривке поднимается дыбом.

Мужчина остановился.

Некоторое время он внимательно рассматривал молодую волчицу, затем на его лице появилось выражение, похожее на удовлетворение.

– Значит, помнишь, – негромко произнёс он.

Ульяна вздрогнула.

Ей хотелось спросить, кто он такой и что делал тогда у ручья, но стоило попытаться заговорить, как из горла вырвался только низкий, сердитый рык.

Незнакомец выслушал его совершенно спокойно.

– Вижу, Светлана, у твоей дочери характер.

Ульяна удивлённо посмотрела на мать.

Светлана стояла рядом, внимательно следя за мужчиной. В её поведении не было заметно ни тревоги, ни удивления. Она явно знала этого человека и ожидала его появления.

Ульяне стало ещё неприятнее.

Мужчина сделал несколько шагов вперёд, и она инстинктивно отступила. В её памяти по-прежнему стояли страшные

бесцветные глаза, увиденные много лет назад в полутёмной детской комнате.

– Боишься меня? – спросил незнакомец.

Он говорил тихо, почти ласково. Ульяна, однако, прекрасно различала каждое слово, хотя с противоположного берега продолжала греметь музыка.

Мужчина присел на корточки, оказавшись почти на одном уровне с её мордой, и протянул руку.

Ульяна настороженно смотрела на раскрытую ладонь.

Ей не хотелось приближаться. Ещё сильнее она противилась непонятному желанию подчиниться этому человеку, которое возникало всякий раз, когда он смотрел ей в глаза.

Светлана тихо заворчала.

Ульяна повернула к ней голову, надеясь получить хоть какое-нибудь объяснение, но мать лишь приблизилась и осторожно подтолкнула её плечом.

Незнакомец продолжал терпеливо ждать.

Наконец Ульяна сделала несколько шагов и позволила ему коснуться своего загривка.

Его ладонь оказалась неожиданно холодной.

Она вздрогнула и хотела отстраниться, однако мужчина уже убрал руку.

– Вот и познакомились, – произнёс он, поднимаясь.

Ульяна с облегчением отступила к матери.

Мужчина некоторое время смотрел на неё, затем повернулся к озеру.

На противоположном берегу кто-то снова включил музыку громче. Молодые люди продолжали веселиться, размахивали руками, бегали к воде. Один из парней, судя по движениям, уже изрядно выпил и теперь пытался забраться на крышу автомобиля.

Незнакомец наблюдал за ними несколько секунд.

– Шумные, – произнёс он.

Чёрный волк со шрамом на ухе приблизился и остановился возле мужчины. Тот положил ладонь ему на голову, продолжая смотреть на противоположный берег.

– Их оставьте.

Волк поднял морду. Мужчина коротко посмотрел на него, и тот сразу отступил.

Ульяна с удивлением наблюдала за происходящим.

Она уже успела привыкнуть к тому, что волки прекрасно понимают намерения друг друга. Однако сейчас перед ней находился обычный с виду человек, который разговаривал с огромными хищниками так естественно, словно отдавал распоряжения домашним собакам.

И волки слушались.

Мужчина повернулся к Светлане.

– Всё готово?

Мать подошла ближе и слегка склонила голову.

– Хорошо, – произнёс незнакомец. – Тогда пора.

Он направился вдоль берега, и волки почти одновременно пришли в движение. Никто не завыл, не зарычал, не попытался обогнать остальных. Звери двигались спокойно, оставляя между собой достаточно места, чтобы свободно проходить между деревьями.

Ульяна замешкалась.

Она всё ещё пыталась осмыслить произошедшее. Мужчина с бесцветными глазами, появившийся в лесу среди ночи, казался ей пугающе знакомым. Буто бы это была их не вторая встреча. Но больше всего её беспокоило поведение матери.

Почему Светлана ничего не рассказала о нём заранее? И отчего все волки, включая саму Мать Стаи, признавали власть этого человека?

Впервые Ульяна подумала, что устроенный матерью ночной поход имеет гораздо более серьёзное значение, чем она предполагала.

Светлана заметила, что дочь отстала, вернулась и осторожно коснулась её морды.

Ульяна посмотрела в жёлтые глаза волчицы. Ей хотелось верить матери. После первого превращения, после их совместного бега по ночному лесу она вновь почувствовала близость, которой была лишена столько лет. И всё же неприятное подозрение уже не давало покоя.

Светлана мягко подтолкнула её вперёд. Ульяна нехотя последовала за ней. Они двигались вдоль берега, постепенно приближаясь к той части озера, где находилась их стоянка. Ульяна без труда узнавала знакомые деревья, различала запах костра и постепенно начинала слышать дыхание спящего отца.

Ей стало спокойнее.

Олег находился там же, где она его оставила. Сердце билось размеренно, и ничто пока не указывало на опасность.

Ульяна прибавила шагу, собираясь поскорее вернуться к палатке, и только теперь заметила, что волки движутся в ту же сторону. Она невольно замедлила шаг и настороженно огляделась.

Стая растянулась широкой цепью вдоль берега. Несколько зверей пробирались между деревьями, другие шли у самой воды. Чёрный волк со шрамом на ухе уже исчез впереди, а молодой рыжий, ещё недавно игравший с Ульяной, теперь сосредоточенно следовал за остальными. Незнакомец с бесцветными глазами спокойно шёл рядом со Светланой.

Ульяна почувствовала нарастающее беспокойство. Она уже различала знакомый запах кострища, слышала ровное дыхание отца и биение его сердца. Олег по-прежнему спал, совершенно не подозревая, сколько волков приближается к его палатке.

Она ускорила шаг, но Светлана неожиданно преградила ей дорогу.

Ульяна недоумённо посмотрела на мать и попыталась обойти её. Однако волчица тотчас развернулась, снова остановив дочь, и на этот раз глухо, предупреждающе зарычала.

Ульяна замерла. Ещё совсем недавно они весело носились по ночному лесу, играли и ласкались, радуясь вновь обретённой близости. Теперь мать стояла перед ней, оскалив зубы, и своим поведением ясно давала понять, что дальше её не пропустит.

Тем временем первые волки уже достигли стоянки. Среди деревьев виднелась палатка, возле которой темнело остывшее кострище. Чуть поодаль лежали удочки, а рядом с ними стоял мешок мусора, который они с отцом собирались забрать утром.

Ульяна заметила, как чёрный волк приблизился к палатке, осторожно обнюхал её и остановился возле самого входа.

Она инстинктивно подалась вперёд, но Светлана тут же сделала шаг навстречу, заставив её отступить.

Ульяна с тревогой посмотрела на мать. Ей хотелось верить, что та сейчас остановит волков, отзовёт их от палатки и позволит дочери вернуться к отцу. Но Светлана оставалась неподвижной, продолжая преграждать дорогу.

И тогда Ульяна впервые всерьёз испугалась за Олега.

Она снова встретилась взглядом с матерью, надеясь увидеть в её глазах хоть какое-нибудь объяснение.

Светлана выдержала этот взгляд, но с дороги не сошла.

За спиной Светланы послышался треск ткани.

Ульяна резко повернула голову и увидела, как чёрный волк ухватил зубами край палаточного полога. Он потянул его на себя, раздался неприятный звук рвущейся материи, и вход немного приоткрылся. Зверь сунул морду внутрь, принюхиваясь к спящему человеку.

Ульяна отчаянно зарычала и бросилась вперёд, но Светлана перехватила её, с силой ударив плечом в бок. Не ожидавшая нападения дочь потеряла равновесие и покатилась по траве.

Она вскочила почти мгновенно. Непривычное тело само приняло устойчивое положение, лапы широко расставились, а шерсть на загривке поднялась.

Светлана стояла перед ней, низко опустив голову. Её губы приподнялись, обнажив крупные белые клыки.

Ульяна растерялась.

Ещё совсем недавно мать ласково касалась её морды, показывала, как бегать, и терпеливо ждала, пока дочь освоится в новом облике. Теперь она смотрела на Ульяну с холодной решимостью, предупреждая, что следующая попытка приблизиться к палатке встретит ещё более жёсткий отпор.

Ульяна невольно отступила.

Со стороны стоянки донеслось низкое рычание. Чёрный волк по-прежнему находился возле входа в палатку, а рядом с ним уже стояли ещё два зверя.

Внутри пошевелился Олег.

Ульяна услышала, как он тяжело перевернулся на другой бок и что-то неразборчиво пробормотал во сне. На мгновение ей показалось, что отец сейчас проснётся, но его дыхание вскоре снова стало глубоким и ровным.

Именно тогда она вспомнила чай.

Свёрток, перевязанный ниткой. Настойчивое требование матери использовать все травы. Неожиданно быстро наступивший сон, когда Олег едва успел добраться до палатки.

Теперь всё происходившее вечером приобрело для Ульяны совершенно иной смысл.

Она сама приготовила отцу этот отвар. Сама протянула кружку и смотрела, как он пьёт, радуясь знакомому вкусу.

От внезапного чувства вины Ульяне захотелось завыть.

Она снова повернулась к матери и сделала несколько осторожных шагов навстречу. Светлана не шелохнулась, продолжая внимательно следить за дочерью.

Ульяна тихо заскулила. Ей хотелось верить, что произошло какое-то недоразумение, что мать сейчас остановит волков, отзовёт их от палатки и всё объяснит.

В ответ Светлана коротко рыкнула, заставив её замолчать.

Из палатки снова донёсся шорох. Ульяна обернулась и увидела, что чёрный волк просунул голову ещё глубже, а один из стоявших рядом зверей принялся обнюхивать порванную ткань.

Она метнулась в сторону, пытаясь обойти мать, но Светлана оказалась быстрее. На этот раз столкновение вышло гораздо сильнее: Ульяна почувствовала, как чужие зубы скользнули по шерсти у неё на шее, и от неожиданного испуга едва не упала.

Волчица тут же отпустила её и отступила на несколько шагов.

Ульяна тяжело дышала, чувствуя, как от страха и возмущения дрожат лапы. Она никак не могла понять, что заставляет мать вести себя подобным образом. Ведь совсем недавно Светлана рассказывала ей, как сильно любила Олега, вспоминала их счастливые поездки к озеру, смеялась над забавными семейными историями.

Именно она настояла, чтобы отец приехал сюда.

Значит, всё было задумано заранее.

Ульяна посмотрела на мужчину с бесцветными глазами. Он стоял неподалёку от кострища, наблюдая за происходящим с тем же невозмутимым выражением, с каким прежде разговаривал с ней возле ручья. Несколько волков расположились вокруг него, но ни один не приближался к палатке без видимого разрешения.

Ульяна отчаянно зарычала, обращаясь теперь к незнакомцу.

Мужчина перевёл на неё взгляд.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Ульяне показалось, что он прекрасно понимает, чего она требует, однако вмешиваться не собирается.

– Твой отец пока в безопасности, – спокойно произнёс он.

Она замерла.

Мужчина взглянул на палатку, затем снова на молодую волчицу.

– Что будет дальше, зависит от тебя.

Ульяна ничего не поняла. Её только сильнее испугало это странное обещание, в котором слышалось предупреждение.

Она снова посмотрела на мать.

Светлана стояла неподвижно. Взгляд её жёлтых глаз оставался внимательным и суровым, но Ульяна неожиданно заметила, что мать тяжело дышит. Грудь волчицы часто поднималась, а передние лапы были напряжены, словно она готовилась к прыжку.

Ульяна вспомнила старый белёсый шрам на её животе.

Когда-то Светлана получила его в схватке с прежней Матерью Стаи. Тогда она рассказывала, что место нельзя получить в подарок и что каждой Матери рано или поздно приходится защищать своё право вести остальных.

Эти слова вдруг показались Ульяне пугающе важными.

Она хотела отступить, но из палатки донёсся тихий стон.

Чёрный волк снова потянул зубами ткань. На этот раз разрыв стал настолько широким, что Ульяна увидела внутри отцовскую руку, лежавшую поверх спального мешка.

Зверь приблизил морду к самому лицу спящего.

Ульяна бросилась вперёд.

Светлана попыталась остановить её, но дочь была готова к нападению. Она резко изменила направление, увернулась от материнских зубов и проскользнула мимо, почти коснувшись боком земли.

До палатки оставалось всего несколько метров.

И тогда Светлана настигла её сзади.

Сильный удар сбил Ульяну с лап. Они вместе покатились по траве, вздымая сухую хвою и землю. Светлана первой вскочила и нависла над дочерью, прижимая её передними лапами к земле.

Ульяна почувствовала острые зубы совсем рядом с горлом.

Её охватил первобытный ужас.

Она попыталась вывернуться, но мать удерживала крепко. Светлана могла одним движением сомкнуть челюсти на её шее, и Ульяна прекрасно понимала это.

Несколько мгновений они оставались неподвижными. Затем Светлана медленно ослабила хватку и отступила. Ульяна поднялась. Теперь она смотрела на мать иначе.

Страх за отца, злость, чувство предательства и пережитый только что ужас постепенно уступали место решимости. Она больше не собиралась просить Светлану пропустить её и ждать объяснений, которые та явно не намеревалась давать.

Ульяна оскалила зубы.

Из её груди вырвалось низкое рычание, гораздо более глубокое и угрожающее, чем прежде. Светлана насторожилась.

Вокруг них начали замолкать остальные волки. Даже чёрный зверь возле палатки оставил ткань и повернул голову в их сторону.

Ульяна медленно двинулась навстречу матери.

Она видела, как Светлана расставила передние лапы, готовясь встретить нападение. Волчица была крупнее и опытнее, и Ульяна ещё недавно не могла представить, что когда-нибудь осмелится вступить с ней в схватку. Но теперь позади Светланы находилась палатка, в которой спал её отец.

Ульяна прыгнула.

Мать попыталась увернуться, однако дочь успела вцепиться зубами ей в плечо. Светлана резко дёрнулась, вырываясь из хватки, и обе волчицы покатились по земле. Ульяна почувствовала во рту горячую кровь. Она отскочила, испуганная собственным поступком.

Светлана стояла напротив, слегка припадая на переднюю лапу. Из небольшой раны на плече медленно сочилась кровь, темнея на шерсти. Вокруг них волки начали расступаться, освобождая пространство.

Незнакомец с бесцветными глазами наблюдал молча. Ульяна тяжело дышала, чувствуя вкус материнской крови, и никак не могла поверить, что только что сама ранила Светлану.

А мать, несмотря на боль, продолжала смотреть ей прямо в глаза. И вдруг Ульяна заметила в её взгляде что-то совершенно неожиданное.

Одобрение.

Светлана первой нарушила неподвижность. Она стремительно бросилась вперёд, и Ульяна едва успела отскочить, спасаясь от мощного удара. Мать развернулась с неожиданной быстротой, вновь пытаясь схватить её за шею, но Ульяна пригнулась и почувствовала, как зубы сомкнулись в нескольких сантиметрах от её уха.

Теперь Светлана сражалась всерьёз.

Ульяна отступила, стараясь увеличить расстояние между ними. Она всё ещё надеялась, что мать остановится, однако та продолжала наступать, вынуждая дочь пятиться к ближайшим деревьям.

Волки окружили их широким кольцом. Никто больше не приближался к палатке, но Ульяна прекрасно слышала дыхание спящего отца и то и дело пыталась посмотреть в его сторону.

Каждый раз Светлана немедленно пользовалась её невнимательностью.

После очередного выпада мать сумела ухватить дочь за плечо. Острая боль заставила Ульяну взвизгнуть. Она отчаянно дёрнулась, освобождаясь, и почувствовала, как зубы разрывают кожу.

В нос ударил запах собственной крови.

Ульяна отскочила и остановилась, тяжело дыша. Левое плечо саднило, по передней лапе стекала тёплая струйка. Она попыталась перенести на неё вес и невольно поморщилась от боли.

Светлана стояла напротив. Из раны, нанесённой дочерью, тоже сочилась кровь. Их взгляды встретились, и Ульяна вновь заметила в глазах матери ту странную решимость, которая испугала её ещё возле палатки.

Она неожиданно вспомнила, как совсем недавно Светлана показывала ей старый шрам и рассказывала о поединке с прежней Матерью Стаи.

«Место нельзя получить в подарок. Его берут».

Ульяна почувствовала, как страх уступает место возмущению.

Значит, вот зачем Светлана привезла их к озеру! Вот почему настояла, чтобы Олег обязательно поехал вместе с ней! Мать прекрасно знала, что дочь станет защищать отца, и теперь сознательно вынуждала её вступить в схватку.

Ульяна оскалилась и зарычала.

Ей хотелось причинить Светлане боль, заставить почувствовать хотя бы часть того ужаса, который она сама пережила за последние минуты. И вместе с тем где-то глубоко внутри продолжало жить отчаянное желание, чтобы мать прекратила эту бессмысленную жестокость.

Но Светлана уже готовилась к новому нападению.

Они столкнулись почти одновременно.

Ульяна попыталась ухватить мать за загривок, но та увернулась, ударила её плечом и заставила потерять равновесие. Прежде чем дочь успела подняться, Светлана вновь оказалась рядом и прижала её к земле.

Ульяна яростно сопротивлялась. Она била лапами, выворачивалась, пыталась укусить мать за шею, однако та удерживала её слишком уверенно.

Зубы Светланы сомкнулись на загривке дочери.

Ульяна замерла.

Она почувствовала силу материнских челюстей и поняла, насколько легко Светлана могла бы сейчас покончить с ней. Достаточно было одного движения. Но мать медлила. Затем отпустила её и отошла.

Ульяна с трудом поднялась. От боли передняя лапа дрожала, дыхание сбилось, а сердце колотилось так сильно, что она едва различала остальные звуки. Она посмотрела на мать.

Светлана ждала, предоставляя ей возможность продолжить бой. И тут Ульяна поняла, что мать с самого начала могла причинить ей гораздо более серьёзные раны. Всякий раз, получая преимущество, она отпускала дочь, позволяла подняться и снова вступить в схватку.

Осознание этого не принесло облегчения. Напротив, Ульяну охватила новая волна ярости.

Светлана распоряжалась её жизнью, её страхом, её любовью к отцу, совершенно не спрашивая, чего хочет сама дочь.

Ульяна решительно двинулась навстречу матери.

Теперь она старалась следить за каждым её движением. Светлана была крупнее и опытнее, однако Ульяна постепенно замечала, что мать чаще опирается на правую переднюю лапу. Раненое плечо причиняло ей боль, и при резких поворотах она невольно щадила повреждённую сторону.

Ульяна решила воспользоваться этим.

Она сделала ложный выпад слева, заставив Светлану развернуться навстречу, а затем резко отскочила и бросилась с другой стороны.

Мать успела повернуть голову, но дочь уже ударила её плечом в бок.

Обе волчицы потеряли равновесие и покатились вниз по небольшому склону. Под ними хрустели сухие ветки, из-под лап разлетались земля и хвоя.

Светлана первой сумела подняться, однако её движения стали заметно медленнее. Она отступила на несколько шагов, тяжело дыша, и осторожно перенесла вес на раненую лапу. Ульяна поднялась следом.

Впервые с начала схватки она почувствовала, что может победить. Вокруг стояла непривычная тишина. Даже музыка с противоположного берега теперь доносилась едва слышно. Волки внимательно наблюдали за поединком, не предпринимая никаких попыток вмешаться.

Мужчина с бесцветными глазами стоял неподалёку, сложив руки перед собой. Ульяна невольно посмотрела на него. Этого мгновения Светлане оказалось достаточно.

Она бросилась на дочь, стремясь сбить её с лап, но Ульяна успела отступить в сторону. Мать пронеслась мимо, не сумев сразу остановиться на рыхлой земле, и едва не врезалась в ствол сосны.

Ульяна мгновенно воспользовалась её замешательством.

Она прыгнула Светлане на спину, вцепилась зубами в загривок и всем весом потянула вниз. Мать попыталась развернуться, однако раненая лапа подогнулась, и она тяжело упала на бок.

Они снова покатились по земле.

Ульяна отчаянно старалась удержать преимущество. Светлана выворачивалась, била лапами, несколько раз почти вырывалась, но дочь всякий раз успевала перехватить её.

Наконец Ульяне удалось прижать мать к земле.

Она стояла над Светланой, широко расставив лапы, и чувствовала, как та пытается освободиться. Раненое плечо болезненно пульсировало, мышцы дрожали от напряжения. Ульяна понимала, что долго удерживать мать не сможет.

Тогда она опустила голову и сомкнула зубы на её горле.

Светлана замерла.

Ульяна почувствовала под языком тёплую кожу, ощутила сильное, частое биение материнского сердца. Ей стоило лишь немного сжать челюсти, чтобы нанести страшную рану.

От этой мысли её охватил ужас.

В памяти возникло лицо Светланы, улыбающейся возле лесного ручья. Потом она вспомнила мать на старой фотографии, в лёгком летнем платье и смешных солнечных очках, и её весёлый смех, когда они с Ульяной вспоминали, как однажды нарисовали Олегу рожицу зубной пастой.

Та же женщина теперь лежала под ней, совершенно беспомощная. Ульяна почувствовала, как глаза наполняются слезами. Она не могла убить мать.

Медленно, осторожно она разжала челюсти. Светлана оставалась неподвижной. Ульяна отступила на несколько шагов, ожидая, что мать сейчас вскочит и снова нападёт. Но Светлана лишь перевернулась на живот и с трудом поднялась.

Некоторое время они стояли друг напротив друга.

Ульяна тяжело дышала, пытаясь справиться с болью и усталостью. Её лапы дрожали, а в пасти всё ещё чувствовался вкус крови.

Светлана смотрела на дочь. Затем медленно опустила голову. Ульяна растерялась.

Мать сделала несколько шагов навстречу, остановилась и вновь склонила голову, обнажая шею.

Ульяна не сразу поняла смысл этого жеста.

Светлана признавала поражение.

Она ещё некоторое время стояла перед дочерью, после чего осторожно приблизилась и коснулась носом её морды. Ульяна почувствовала знакомый запах, ощутила тёплое дыхание матери и неожиданно для самой себя тихо заскулила.

Ей хотелось прижаться к Светлане, как совсем недавно на поляне после первого превращения. Но мать уже отступила. Вокруг них началось движение.

Чёрный волк со шрамом на ухе первым приблизился к Ульяне. Она насторожилась, ожидая нового нападения, однако зверь остановился в нескольких шагах и медленно опустил голову.

Затем к ней подошла светло-серая волчица, с которой Ульяна познакомилась в начале ночи. Она осторожно обнюхала её морду и тоже склонила голову.

За ними начали приближаться остальные.

Ульяна смотрела на них с растущим недоумением. Ещё недавно она была для этих зверей незнакомкой, которую они с

любопытством обнюхивали и приглашали поиграть. Теперь их поведение совершенно изменилось.

Они подходили к ней с тем же почтением, какое прежде оказывали Светлане. Ульяна медленно повернулась к матери. Та стояла в стороне, опустив голову, и больше не пыталась приблизиться. Только тогда Ульяна окончательно поняла, что произошло. Она победила. Стая признала её своей новой Матерью.

Но ни радости, ни торжества Ульяна не испытывала. Она смотрела на окровавленную шерсть Светланы, на рану у неё на плече и чувствовала лишь страшную усталость.

Всё, чего она сейчас хотела, заключалось в одном: убедиться, что с Олегом ничего не случилось.Ульяна повернулась к палатке. Волки молча расступились перед ней.

XXI

Ульяна направилась к палатке, почти перестав замечать окружавших её волков. Раненое плечо болезненно ныло, передние лапы дрожали от усталости, а во рту всё ещё чувствовался неприятный привкус крови.

Она остановилась перед разорванным пологом и осторожно просунула внутрь морду.

Олег лежал на боку, подложив ладонь под щёку. Во сне он немного сдвинул спальный мешок, и теперь его плечо оставалось открытым. Ульяна несколько секунд прислушивалась к дыханию отца, потом приблизилась и коснулась холодным носом его руки.

Олег пошевелился.

Она испуганно отпрянула, но отец лишь что-то пробормотал и снова затих. Ульяна осторожно приблизилась к нему и легла рядом, положив морду возле его ладони.

Ей хотелось расплакаться.

За несколько часов произошло столько невероятного, что она почти перестала понимать собственные чувства. Первое превращение, бег по ночному лесу, встреча со Стаей, страшная схватка с матерью... И всё это время Олег спокойно спал, доверившись ей настолько, что даже не поинтересовался, откуда взялись травы для чая.

Ульяна закрыла глаза.

В памяти снова прозвучали слова отца, сказанные у костра.

«Ничего, Ульяш. Просто обнял бы её».

Она тихо заскулила и уткнулась носом в его ладонь.

Олег, продолжая спать, слегка пошевелил пальцами. Его рука коснулась густой шерсти у неё на голове, и Ульяна неожиданно почувствовала такое облегчение, что ещё некоторое время не могла заставить себя подняться.

Ей очень хотелось остаться рядом с ним до утра.

Но за палаткой уже слышались шаги человека.

– С ним всё будет хорошо, – произнёс знакомый голос.

Ульяна подняла голову.

В разорванном входе стоял мужчина с бесцветными глазами. Он немного наклонился, заглядывая внутрь, но заходить не стал.

– Отвар перестанет действовать к рассвету. Он проснётся и даже не вспомнит, что здесь происходило.

Ульяна зарычала. Мужчина выпрямился и отступил от палатки. Она выбралась следом.

Стая по-прежнему находилась возле стоянки, однако теперь волки держались на некотором расстоянии. Некоторые лежали на траве, другие сидели, внимательно наблюдая за молодой волчицей. Когда Ульяна появилась, ближайшие звери поднялись, уступая ей дорогу.

Она растерянно огляделась.

Светлана стояла возле деревьев. Её шерсть на плече потемнела от крови, движения были скованными, а раненую лапу она старалась беречь. Ульяна заметила, как мать осторожно опустилась на землю, и почувствовала болезненный укол совести.

Ей хотелось подойти, посмотреть, насколько серьёзна рана, но воспоминание о разорванной палатке и спящем отце удержало её на месте.

Светлана подняла голову, встретившись с дочерью взглядом. Некоторое время они смотрели друг на друга. Затем мать медленно поднялась и ушла в лес.

Ульяна проводила её глазами, испытывая странную смесь обиды, жалости и тревоги.

– Она сама этого хотела, – негромко произнёс мужчина.

Ульяна повернулась к нему.

– Светлана давно понимала, что не сможет оставаться Матерью Стаи вечно. Сегодня ты доказала, что способна занять её место.

Он говорил спокойно, словно речь шла о давно запланированном и успешно завершённом деле.

Ульяна ощетинилась.

Мужчина внимательно посмотрел на неё.

– Вижу, ты недовольна.

Она сердито зарычала, и он неожиданно улыбнулся.

– Полагаю, тебе будет удобнее разговаривать в человеческом облике.

Ульяна растерянно оглядела себя. За последние часы она успела настолько привыкнуть к новому телу, что почти забыла, каким образом выглядела раньше.

Ей вдруг стало страшно от мысли, что она больше никогда не сможет стать человеком.

Мужчина, кажется, понял причину её замешательства.

– Не торопись. Вспомни себя прежнюю. Постарайся почувствовать своё тело таким, каким оно было до обращения.

Ульяна закрыла глаза.

Она попыталась представить собственные руки, ноги, привычное положение позвоночника. Сначала ничего не происходило, но затем в груди возникло знакомое неприятное ощущение. По мышцам прошла дрожь, лапы начали неметь.

Ульяна испуганно открыла глаза.

– Не сопротивляйся, – спокойно произнёс мужчина.

Она снова зажмурилась.

Обратное превращение оказалось болезненным, хотя и значительно менее мучительным, чем первое. Ульяна чувствовала, как меняется положение суставов, как укорачивается морда и возвращается привычная форма рук. Несколько раз она вскрикивала, не в силах сдержать боль, но постепенно изменения закончились.

Она лежала на влажной земле, тяжело дыша, и чувствовала холод ночного воздуха обнажённой кожей.

Открыв глаза, Ульяна увидела собственные руки. На левом плече темнела рана. Она осторожно пошевелила пальцами, затем попыталась подняться, но от слабости снова опустилась на землю.

Мужчина стоял неподалёку, отвернувшись к озеру.

– Возле сосны лежат вещи. Можешь одеться.

Ульяна оглянулась. Под деревом действительно обнаружился небольшой свёрток с одеждой. Она с трудом поднялась, добралась до него и обнаружила внутри спортивные брюки, футболку и тёплую кофту.

Все вещи оказались примерно её размера. Ульяна почувствовала новую волну раздражения. Значит, Светлана подготовила даже это.

Она быстро оделась, стараясь не задевать повреждённое плечо. Ткань неприятно касалась раны, но Ульяна решила пока потерпеть.

– Я оделась, – сказала она хриплым голосом.

Мужчина повернулся.

Некоторое время он внимательно её рассматривал, затем слегка кивнул.

– Теперь ты действительно похожа на мать.

Ульяна почувствовала, как в ней снова поднимается злость.

– Что это было?

– О чём ты?

– Не притворяйтесь! – Она сделала несколько шагов к незнакомцу. – Вы прекрасно понимаете, о чём я спрашиваю. Зачем вы привели волков к нашему лагерю? Зачем пытались добраться до отца?

Мужчина выслушал её, не перебивая.

– Светлана хотела, чтобы ты заняла её место.

– И ради этого нужно было убить моего отца?!

– Ему ничего не угрожало, пока я находился рядом.

Ульяна задохнулась от возмущения.

– А я откуда должна была это знать? Вы представляете, что я пережила?!

– Представляю.

Спокойствие незнакомца выводило её из себя ещё сильнее.

– Тогда зачем?!

Мужчина посмотрел в сторону леса, куда недавно ушла Светлана.

– Потому что ты должна была сделать выбор.

– Какой ещё выбор?

– Решить, ради чего готова сражаться. Стая признала твою силу, но одной силы для Матери недостаточно. Ты защищала того, кого любишь, даже когда перед тобой стояла собственная мать.

Ульяна стиснула зубы.

Ей хотелось возразить, сказать, что никто не спрашивал её согласия, что она никогда не стремилась руководить волками и вообще предпочла бы провести этот вечер с отцом, как они и собирались.

Однако сильнее всего её мучил другой вопрос.

– Светлана знала, что всё так будет?

Мужчина немного помолчал.

– Она надеялась.

– А если бы я проиграла?

– Ты могла проиграть.

Ульяна почувствовала, как по спине пробежал холод.

– И она бы меня убила?

– Это тебе лучше спросить у неё самой.

Он произнёс эти слова без малейшего изменения в голосе.

Ульяна отвернулась.

Некоторое время она стояла молча, стараясь справиться с собой. От усталости кружилась голова, раненое плечо ныло всё сильнее. Ей очень хотелось вернуться в палатку, лечь рядом с отцом и уснуть, чтобы утром обнаружить, что вся эта невероятная ночь ей только приснилась.

Но оставался вопрос, который она уже давно собиралась задать.

– Кто вы такой?

Мужчина посмотрел на неё с лёгким удивлением.

– Разве Светлана не рассказывала?

– Она много чего мне не рассказывала, – сердито ответила Ульяна. – Например, почему вы знаете меня с детства. Или почему волки вас слушаются. Даже она вас слушается, хотя вроде бы главная.

Незнакомец улыбнулся.

– Светлана действительно Мать Стаи. Вернее, была ею до сегодняшней ночи.

– А вы?

– Меня называют Волчьим Пастырем.

Ульяна нахмурилась.

Название показалось ей странным. Она ожидала услышать человеческое имя и даже немного растерялась.

– И что это значит?

– Я присматриваю за волками. За обычными и за такими, как вы. Иногда приходится вмешиваться в их дела.

– Значит, вы тоже оборотень?

Мужчина покачал головой.

– Нет. Оборачиваться мне не дано.

Ульяна недоверчиво посмотрела на него.

– Но они вас слушаются.

– Да.

– Почему?

Незнакомец не сразу ответил. Он посмотрел на волков, расположившихся возле деревьев, затем снова перевёл взгляд на девушку.

– Так было задолго до рождения твоей матери.

Ульяна почувствовала, что вновь получает лишь небольшую часть объяснения.

– Сколько вам вообще лет?

Мужчина улыбнулся.

– Достаточно много.

– Очень содержательно, спасибо.

Она сердито отвернулась, но неожиданно вспомнила кое-что ещё.

– А тот раз, у ручья... Вы тогда сказали, что я выросла. Откуда вы меня знали?

Улыбка исчезла с лица незнакомца.

Он некоторое время внимательно смотрел на неё, и Ульяне вдруг стало неуютно под этим бесцветным взглядом.

– Я знал тебя задолго до нашей встречи у ручья.

– Откуда?

Мужчина медленно подошёл ближе.

– Думаю, теперь ты достаточно взрослая, чтобы узнать правду.

Ульяна насторожилась.

Ей сразу вспомнились недомолвки Светланы, её нежелание говорить о загадочном мужчине, встречи с которым когда-то вызывали ревность Олега.

Она внезапно почувствовала, что уже знает ответ, хотя отчаянно не хочет его слышать.

– Что вы хотите сказать?

Незнакомец посмотрел ей прямо в глаза.

– Я твой отец, Ульяна.

Она отступила.

Несколько секунд ей казалось, что она неправильно расслышала эти слова. Потом Ульяна почувствовала, как к лицу приливает кровь.

– Что?

– Светлана должна была рассказать тебе гораздо раньше.

Ульяна резко покачала головой.

– Вы врёте.

Мужчина ничего не ответил.

– Это неправда! – Она почувствовала, как голос начинает срываться. – У меня есть отец!

Она указала рукой на палатку.

– Он там! Он меня вырастил! Он четырнадцать лет ждал мою мать! Он всю жизнь...

Ульяна осеклась. Она вдруг поняла, что ещё немного, и расплачется перед этим человеком.

Мужчина спокойно выслушал её.

Затем посмотрел на палатку, за разорванным пологом которой продолжал спать Олег.

– Я знаю, – тихо произнёс он.

Ульяна с трудом сдерживала слёзы.

– Тогда зачем вы мне всё это говорите?

Незнакомец снова посмотрел на неё.

– Потому что однажды тебе придётся узнать и остальное.

XXII

Ульяна долго смотрела на Волчьего Пастыря, пытаясь найти в его лице хоть что-нибудь знакомое. Черты незнакомца казались обычными, разве что слишком бледная кожа и почти бесцветные глаза придавали ему странный, нездоровый вид.

Она невольно подумала, что, возможно, унаследовала от него какую-нибудь особенность внешности. Но сколько ни всматривалась, никакого сходства обнаружить не могла.

– Светлана знала? – спросила она наконец.

Мужчина кивнул.

– С самого начала.

Ульяна отвернулась к озеру. На противоположном берегу всё ещё горел костёр, хотя музыка давно стихла. Кто-то из отдыхающих продолжал разговаривать возле машины, остальные, по-видимому, уже улеглись спать.

Ей неожиданно захотелось оказаться там, среди этих незнакомых людей, которые даже не подозревали о существовании оборотней и Волчьего Пастыря. Завтра они соберут палатки, выбросят пустые бутылки и разъедутся по домам. А она больше никогда не сможет забыть произошедшее этой ночью.

– Почему она мне не рассказала?

– Спроси у неё.

Ульяна резко повернулась.

– Вы вообще собираетесь хоть на один вопрос нормально ответить?

Мужчина некоторое время молча разглядывал её. Затем неожиданно усмехнулся.

– Светлана говорила, что ты упрямая.

– Как видите, не соврала.

Улыбка исчезла с его лица.

– Я могу рассказать тебе многое, Ульяна. Но некоторые вещи лучше услышать от матери.

Она хотела возразить, однако мужчина уже посмотрел в сторону леса.

– А вот и она.

Ульяна обернулась.

Между деревьями появилась Светлана. Она снова была человеком и медленно шла к стоянке, осторожно придерживая рукой повреждённое плечо. На ней были тёмные брюки и свободная кофта, рукав которой заметно потемнел от крови.

Ульяна сразу забыла о Волчьем Пастыре.

– Мама!

Она бросилась навстречу, но остановилась в нескольких шагах, вспомнив всё, что произошло между ними.

Светлана заметила её колебание.

– Всё хорошо, Уля. Рана заживёт.

– Дай посмотрю.

– Потом.

– Мам, у тебя кровь через рукав проступила!

Светлана устало улыбнулась.

– У тебя самой плечо ничуть не лучше.

Ульяна взглянула на собственную руку. Кровь уже перестала течь, однако рана по-прежнему болела. Она почти забыла о ней, пока не увидела повреждённое плечо матери.

– Нужно перевязать, – сказала Ульяна. – У нас в рюкзаке аптечка.

– Хорошо. Только сначала давай поговорим.

Светлана осторожно присела на поваленный ствол. Она выглядела измученной. Лицо побледнело, под глазами залегли глубокие тени, а движения стали медленными и скованными.

Ульяна села рядом.

Некоторое время они молчали. Волчий Пастырь ушёл, оставив их вдвоём, но Ульяна чувствовала, что он всё равно наблюдает за ними.

Она посмотрела на мать.

– Ты действительно хотела, чтобы я тебя убила?

Светлана медленно повернула голову.

– Я знала, что тебе придётся сражаться.

– Я спросила другое.

Мать опустила глаза.

– Да, Уля. Я была готова к этому.

Ульяна почувствовала, как к горлу подступает комок.

– Господи, мама... Зачем?

Светлана некоторое время молчала, осторожно ощупывая раненое плечо.

– Потому что я должна была уступить тебе своё место. И другого способа не было.

– Ты могла просто сказать мне!

– И что бы ты ответила?

Ульяна хотела возразить, но замолчала.

Она прекрасно знала ответ. Ещё утром сама мысль о том, чтобы возглавить Стаю, показалась бы ей совершенно нелепой.

– Я бы отказалась, – призналась она.

– Вот именно.

– И поэтому ты решила натравить на папу волков?!

Последние слова прозвучали гораздо громче, чем Ульяна собиралась. Она испуганно оглянулась на палатку, но Олег продолжал спать.

Светлана тяжело вздохнула.

– Я знала, что ты станешь его защищать.

– Ты хоть представляешь, как я испугалась? Я думала, они его растерзают!

– Я бы этого не допустила.

Ульяна горько усмехнулась.

– Как удобно. Ты всё знала, всё предусмотрела, а я должна была драться с собственной матерью и думать, что мой отец сейчас погибнет.

Светлана опустила голову.

Ульяна смотрела на неё и чувствовала, что злость постепенно уступает место усталости. Ей было тяжело видеть мать такой, но простить произошедшее она пока не могла.

– Ты могла меня предупредить, – произнесла она уже тише. – Хотя бы немного подготовить.

– Возможно.

– Почему ты всегда так делаешь? Решишь всё сама, а потом ставишь меня перед фактом.

Светлана подняла глаза. В них стояли слёзы.

– Прости меня, Уля.

Ульяна отвернулась.

Она слишком долго ждала от матери этих слов. Но сейчас они прозвучали, и оказалось, что облегчения не принесли.

Несколько минут они сидели молча, прислушиваясь к ночным звукам. Потом Светлана осторожно придвинулась ближе и попыталась взять дочь за руку.

Ульяна позволила ей.

Пальцы матери были холодными.

– Он сказал мне, что мой отец, – неожиданно произнесла она.

Светлана замерла.

Ульяна повернулась к ней.

– Это правда?

Мать долго смотрела на дочь, словно пытаясь понять, сколько та уже успела узнать.

Затем медленно кивнула.

– Да.

Ульяна почувствовала новую волну обиды.

– И ты всё это время молчала?

– Я собиралась рассказать.

– Когда? Ещё через четырнадцать лет?

Светлана поморщилась, но промолчала.

Ульяна поднялась и отошла к ближайшему дереву. Ей нужно было немного успокоиться, иначе она боялась наговорить матери такого, о чём потом пожалеет.

Она прислонилась к стволу и посмотрела на палатку.

Олег спал за разорванным пологом, совершенно не подозревая, что этой ночью рухнули последние привычные представления дочери о собственной семье.

– Он знает? – спросила Ульяна, не оборачиваясь.

– Нет.

– Никогда не подозревал?

Светлана ответила после долгой паузы:

– Думаю, подозревал, что я что-то скрываю. Но правды он не знал.

Ульяна закрыла глаза.

Она вспомнила отцовский рассказ о последней ссоре, о том, как Олег выгнал жену из дома, уверенный, что у неё появился другой мужчина. Теперь она начинала понимать, насколько близко он подошёл к истине и как многого при этом не знал.

– Ты ведь любила его? – спросила она.

– Любила.

– А сейчас?

Светлана с трудом поднялась и подошла к дочери.

– Я никогда не переставала его любить.

Ульяна почувствовала, как глаза наполняются слезами.

– Тогда почему ты столько лет заставляла его мучиться?

Светлана опустила руку ей на плечо, но Ульяна осторожно отстранилась.

– Я знаю, что причинила ему много боли, – тихо произнесла мать. – И тебе тоже. Если бы я могла что-нибудь изменить...

Она замолчала.

Ульяна посмотрела на неё.

– Но ты ведь теперь свободна? Тебе больше не нужно быть Матерью Стаи?

Светлана кивнула.

– Да.

– Значит, можешь вернуться к нему?

Мать медленно перевела взгляд на палатку. Несколько секунд она молчала, затем ответила:

– Если он позволит.

Ульяна вспомнила отцовские слова, сказанные у костра, и почувствовала, как к горлу снова подступают слёзы.

– Позволит, мама.

Светлана посмотрела на дочь.

– Ты уверена?

– Он тебя ждёт. Все эти годы.

Мать закрыла лицо ладонями. Ульяна впервые увидела, как она плачет. Ей хотелось обнять Светлану, но раненое плечо болезненно ныло, да и собственные обиды ещё были слишком свежими.

Она осторожно коснулась материнской руки.

– Только расскажи ему правду. Пожалуйста.

Светлана вытерла глаза.

– Постараюсь.

Ульяна покачала головой.

– Мама, обещай.

Мать долго смотрела на неё, затем кивнула.

– Обещаю.

Они ещё немного постояли рядом. Потом Светлана осторожно обняла дочь здоровой рукой, и Ульяна наконец позволила себе прижаться к ней.

Несколько мгновений они молчали.

Ульяна чувствовала знакомый запах материнских волос, слышала её дыхание и думала о том, что совсем недавно едва не убила эту женщину.

Она сильнее обняла Светлану.

– Я так по тебе скучала, – прошептала она.

Мать прижалась губами к её волосам.

– Я тоже, девочка моя.

Они стояли обнявшись, пока Светлана осторожно не отстранилась.

– Скоро рассвет.

Ульяна посмотрела на восток. Над лесом действительно начинало светлеть небо.

Волки всё ещё находились неподалёку. Некоторые спали, свернувшись на траве, другие бродили между деревьями. Чёрный зверь со шрамом на ухе сидел возле самой тропы и внимательно наблюдал за девушкой.

Ульяна вдруг вспомнила, что теперь вся эта Стая принадлежит ей.

Она повернулась к матери.

– А что будет со мной?

Светлана посмотрела на волков, затем снова на дочь.

– Теперь они пойдут за тобой.

– Куда?

– Куда ты их поведёшь.

Ульяна почувствовала, как внутри вновь поднимается тревога.

– А если я хочу остаться здесь? С вами?

Мать некоторое время молчала.

– Тогда тебе придётся решить, как совместить свою жизнь с тем, что произошло сегодня.

Ульяна недовольно нахмурилась.

– Почему все вокруг разговаривают со мной загадками?

Светлана слабо улыбнулась.

– Прости. Наверное, за эту ночь их действительно было слишком много.

Она осторожно коснулась щеки дочери.

– Я не могу решить это за тебя, Уля. Сегодня ты сама стала Матерью Стаи.

Ульяна посмотрела на волков. Молодой рыжий зверь, с которым она играла в лесу, поднял голову, заметив её взгляд, и радостно завилял хвостом.

Она невольно улыбнулась.

И вдруг поняла, что, несмотря на страх и пережитую боль, часть её по-прежнему отчаянно хочет снова бежать вместе с ними по ночному лесу.

XXIII

Светлана заметила улыбку дочери и посмотрела на молодого волка. Тот поднялся с земли, приблизился к Ульяне и осторожно ткнулся влажным носом в её ладонь. Она погладила его между ушами, чувствуя под пальцами густую, ещё влажную от ночной росы шерсть. Зверь довольно прищурился, но вскоре отошёл к остальным, словно вспомнил, что теперь ему полагается вести себя серьёзнее.

Ульяна проводила его взглядом. Волки постепенно собирались у тропы, ведущей в глубину леса. Некоторые лежали в траве, другие неподвижно стояли между деревьями, прислушиваясь к утренним звукам. Чёрный волк с изуродованным ухом устроился возле старой ели и внимательно наблюдал за происходящим. Стая никуда не торопилась, хотя Ульяна чувствовала, что все ждут её решения.

Она посмотрела на мать.

– И что мне теперь делать?

Светлана осторожно поправила куртку на раненом плече. За последние часы она сильно осунулась, а вокруг глаз появились глубокие тени. Ульяна впервые подумала, что мать, наверное, чувствует себя сейчас ничуть не лучше неё самой.

– Это тебе решать, – ответила Светлана. – Ты можешь вернуться к отцу, но тогда путь к Стае тебе будет закрыт. Можешь пойти с ними. Никто не заставит тебя оставаться в лесу против твоей воли.

Ульяна снова посмотрела на волков. После ночной схватки её тело болело, особенно плечо, а воспоминание о собственных зубах на горле матери до сих пор вызывало тошноту. Однако вместе с ужасом она испытывала необыкновенное возбуждение. Ей хотелось узнать, кудауводятлесные тропы, чем живут эти звери и что чувствуют, когда среди ночи поднимают головы и отвечают далёкому вою.

Ещё вчера Ульяна считала себя обыкновенной девушкой. Она ходила на работу, ссорилась с отцом из-за домашних обязанностей, строила планы, которые теперь казались удивительно далёкими. Всё это по-прежнему принадлежало ей, но после пережитого Ульяна уже не представляла, как сможет вернуться домой и делать вид, будто ничего не произошло.

– Я хочу пойти с ними, – сказала она наконец.

Светлана долго смотрела на дочь. Потом медленно кивнула, словно ожидала именно такого ответа.

– Тогда иди.

Ульяна обняла себя руками. Утренний холод пробирался под одежду, и она невольно поёжилась.

– А папа?

При упоминании Олега лицо Светланы изменилось.

Обе посмотрели в сторону озера. За деревьями едва угадывалась палатка, возле которой они ещё недавно стояли вместе. Олег спал, ничего не подозревая о случившемся. Ульяна представила, как он проснётся, позовёт её, обнаружит разорванную палатку и следы волков.

Она знала отца слишком хорошо, чтобы сомневаться в том, что произойдёт дальше.

– Он начнёт меня искать, – проговорила она.

– Конечно, начнёт.

Ульяна опустила голову. Ей вспомнилось, как накануне отец ворчал из-за мелких окуней, а потом смеялся вместе с ней, когда у самого берега сорвалась большая рыба. Вчерашний день оказался одним из самых счастливых за последние годы, и оттого расставаться было особенно тяжело.

– Он ведь решит, что со мной что-нибудь случилось.

Светлана приблизилась к дочери и взяла её за руку.

– Я буду рядом с ним. Когда он проснётся, я скажу, что видела тебя и что ты жива.

– Но он всё равно не успокоится.

– Знаю, Уля.

Ульяна подняла глаза. Ей вдруг захотелось отказаться от всего, вернуться к палатке и дождаться, пока отец проснётся. Они могли бы вместе позавтракать, собрать вещи и поехать домой. Она даже представила, как он станет ругать её за испорченную палатку, а потом ещё несколько недель рассказывать знакомым о ночном нашествии волков.

Но стоило ей подумать о дороге домой, как из глубины леса донёсся негромкий вой. Ульяна почувствовала, как напряглись мышцы, а сердце забилось чаще. Она различила в этом звуке знакомое приглашение и невольно повернула голову.

Светлана наблюдала за ней молча.

– Я ведь смогу вернуться? – спросила Ульяна.

– Разумеется.

– И увидеть папу?

Мать сжала её пальцы.

– Он всегда будет твоим отцом, Уля. Что бы ни произошло, этого никто у тебя не отнимет.

Ульяна вспомнила разговор с Волчьим пастырем и почувствовала прежнее раздражение. Теперь она знала, чья кровь течёт в её жилах, но это знание ничего не изменило в её чувствах к человеку, который вырастил её.

– Только не говори ему про Пастыря, – попросила она. – Пожалуйста, мама.

Светлана медленно покачала головой.

– Не скажу.

Ульяна с облегчением выдохнула, хотя понимала, что впереди мать ждут непростые дни. Олег непременно захочет узнать, где она была все эти годы, почему вдруг вернулась и что произошло с дочерью. Светлане придётся отвечать на его вопросы, тщательно выбирая слова, и Ульяна уже представляла, как трудно ей будет скрывать правду.

– Ты ведь останешься с ним? – спросила она.

Светлана посмотрела в сторону озера.

– Если он меня примет.

– Примет, – уверенно сказала Ульяна. – Он всё ещё любит тебя. Очень.

Мать опустила голову, и по её лицу скользнули слёзы. Ульяна обняла её, стараясь не задеть раненое плечо. Некоторое время они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и Светлана гладила дочь по волосам, как делала много лет назад, когда та была маленькой.

– Я люблю тебя, мама, – прошептала Ульяна.

– И я тебя, девочка моя.

Когда они разомкнули объятия, Светлана осторожно вытерла дочери щёки большими пальцами. Ульяна попыталась улыбнуться, но губы плохо слушались.

– Скажи папе, что я его люблю. И что обязательно постараюсь вернуться.

– Скажу.

Ульяна ещё раз посмотрела на палатку. До неё оставалось всего несколько десятков шагов. Она могла бы подойти, осторожно отогнуть разорванный полог и увидеть спящего отца.

Но тогда пришлось бы снова уходить, уже зная, что оставляет его одного.

Она решила сохранить в памяти вчерашний вечер, его смех возле костра и неожиданно серьёзные слова о Светлане. Ей хотелось верить, что когда-нибудь они снова приедут сюда втроём и она сумеет рассказать ему хотя бы часть своей новой жизни.

Среди деревьев послышались шаги.

На край поляны вышел Волчий пастырь. Он по-прежнему был одет в длинную тёмную одежду, а седоватые волосы свободно спадали на плечи. Ульяна заметила, что при его появлении несколько волков приподняли головы, однако никто не двинулся с места.

Пастырь остановился возле старой сосны и посмотрел на девушку.

Ульяна вспомнила их встречу у ручья. Тогда её испугали его почти бесцветные глаза, странная манера говорить и покорность волков, окружавших незнакомца. Сейчас ей хотелось задать ему множество вопросов. Она не знала, почему он появился в её жизни именно теперь, что связывало его со Светланой и какую роль он сыграл в событиях минувшей ночи.

Однако при мысли о предстоящем разговоре Ульяна почувствовала только усталость.

Она отвернулась и посмотрела на Стаю.

Чёрный волк с изуродованным ухом поднялся, потянулся и вышел из-под ели. В нескольких шагах от Ульяны он остановился, ожидая её движения. Молодой рыжий уже нетерпеливо переступал лапами возле тропы.

– Они ждут тебя, – тихо сказала Светлана.

Ульяна кивнула.

Она отошла за густые ветви молодой ели, сняла одежду и аккуратно сложила её на сухом участке земли. Когда она снова попыталась обратиться волчицей, тело отозвалось знакомой болью, однако на этот раз Ульяна уже представляла, что её ждёт. Она опустилась на колени, переждала мучительное напряжение в суставах, а спустя несколько мгновений почувствовала под лапами прохладную землю.

Мир вновь наполнился множеством запахов.

Ульяна различала влажную кору, прелые листья, воду далёкого ручья и запах каждого волка, находившегося поблизости. Она слышала шорох насекомых в траве, потрескивание веток под лапами, дыхание матери.

Светлана присела перед ней на корточки и обняла за шею.

– Береги себя, – прошептала она, прижавшись щекой к густой шерсти.

Ульяна осторожно лизнула её руку. Мать улыбнулась сквозь слёзы, а затем отпустила дочь и медленно поднялась.

Ульяна направилась к тропе. Молодой рыжий волк тут же подбежал к ней, радостно вильнул хвостом и попытался ткнуться носом в морду. Она ответила ему коротким дружелюбным толчком, после чего повернулась к остальным.

Чёрный волк с изуродованным ухом приблизился и остановился рядом. Ульяна почувствовала его внимательный взгляд, затем он немного отступил, предоставляя ей возможность пройти первой.

Она постояла ещё несколько секунд, прислушиваясь к лесу.

Впереди тянулась узкая тропа, уходившая между высокими соснами. Ульяна знала, что за ближайшим поворотом она никогда не бывала. Ей хотелось увидеть, куда ведёт эта дорога.

Она сделала первый шаг.

Волки двинулись следом.

Сначала Ульяна шла медленно, приспосабливаясь к болезненным ощущениям в плече. Затем прибавила шаг, почувствовала, как под лапами пружинит мягкая хвоя, и вскоре перешла на бег. Молодой рыжий держался неподалёку, иногда забегая вперёд и снова возвращаясь, а за ними широкой цепью двигались остальные.

Ульяна оглянулась в последний раз.

Светлана стояла возле сосны, прижимая к груди сложенную одежду дочери. Рядом с ней неподвижно возвышался Волчий пастырь. Ульяна встретилась с его бесцветными глазами, но уже через мгновение отвернулась и побежала дальше.

На этот раз она сама выбирала направление, и Стая следовала за ней.

Светлана смотрела вслед волкам, пока последний из них не исчез за деревьями. Постепенно стихли шаги, перестали шелестеть ветви, и лес снова наполнился обычными утренними звуками.

Она постояла ещё немного, прислушиваясь к удаляющейся Стае, затем повернулась к Пастырю.

Тот смотрел в сторону, куда ушла Ульяна.

– Теперь она сама решит, кем ей быть, – сказала Светлана.

Он перевёл на неё взгляд, но ничего не ответил.

Светлана ожидала, что он скажет ещё что-нибудь о дочери, о минувшей ночи или о том, что произошло между ними много лет назад. Однако Пастырь лишь отступил в тень деревьев и вскоре исчез среди сосен.

Она осталась одна.

XXIV

Олег проснулся от холода и некоторое время лежал с закрытыми глазами, пытаясь понять, почему так сильно болит голова. Сквозь ткань палатки пробивался утренний свет, а откуда-то сверху тянуло сыростью. Он повернулся на бок, собираясь натянуть спальник повыше, и вдруг заметил длинный разрыв в стенке палатки.

Олег приподнялся на локте. Возле входа валялся фонарик, который он, по-видимому, оставил включённым на ночь. Батарейки сели. Рядом лежала перевёрнутая кружка, а на земле виднелись какие-то тёмные пятна.

Он несколько секунд разглядывал всё это, пытаясь вспомнить, что произошло вечером. Помнил костёр, разговор с дочерью, необыкновенно вкусный чай, после которого его сразу потянуло в сон. Дальше воспоминания обрывались.

– Ульяна! – позвал он, выбираясь из спальника.

Дочь не ответила.

Олег машинально посмотрел на её постель. Спальник лежал нетронутым, рядом стояли кроссовки, а на рюкзаке по-прежнему висела куртка. Он выбрался наружу и оглядел стоянку, ожидая увидеть Ульяну у воды или возле кострища.

На берегу никого не было.

– Уля! Ты где?

Олег обошёл палатку, заглянул за кусты и спустился к озеру. На противоположном берегу ещё спали вчерашние отдыхающие. Вода была спокойной, над ней стелился редкий туман. Всё выглядело совершенно обыкновенно, если бы только не разорванная палатка и странные следы возле неё.

Он присел, рассматривая влажную землю.

Следы напоминали собачьи, но были слишком крупными. Их оказалось много, словно ночью вокруг стоянки ходило несколько животных.

Олег вспомнил волчий вой, который они слышали накануне вечером. Его бросило в дрожь.

– Ульяна!

Теперь он кричал изо всех сил, забыв об отдыхающих на другом берегу. Вслушивался в лес, ждал ответа и снова звал, постепенно чувствуя, как страх мешает ему соображать.

Вчера дочь несколько раз смотрела на деревья. Он ещё спрашивал, что её беспокоит, но Ульяна отмахивалась, уверяя, что всё в порядке. А потом приготовила этот проклятый чай.

Олег бросился к палатке, схватил телефон и попытался позвонить дочери. Телефон Ульяны ответил знакомой мелодией откуда-то из рюкзака.

Он стоял, слушая звонок, пока тот не оборвался.

В следующую минуту Олег уже бежал к лесу.

Сначала он двигался вдоль берега, внимательно осматривая землю и кустарник. Потом свернул между соснами, где заметил примятую траву и несколько сломанных веток. Он звал дочь, останавливался, прислушивался и снова шёл вперёд, постепенно забираясь всё глубже в лес.

Вскоре ему стало трудно дышать. Горло саднило от крика, ноги скользили по влажной хвое, а в голове возникали одна страшная мысль за другой. Он представлял Ульяну раненой, потерявшей сознание, лежащей где-нибудь под деревом. Пытался убедить себя, что она просто ушла гулять, но тут же вспоминал следы возле палатки.

Четырнадцать лет назад исчезла Светлана. Теперь он мог потерять дочь.

Олег остановился возле поваленной сосны и опёрся рукой о ствол, пытаясь перевести дыхание. Он вспомнил, как вчера они вместе ловили рыбу, как Ульяна смеялась над его неудачами, а вечером сидела возле костра и поддразнивала его за внезапно обнаружившуюся старость.

Ему захотелось снова услышать её смех.

– Ульяш... – позвал он охрипшим голосом. – Доченька, отзовись!

Олег вытер мокрое лицо ладонью и заставил себя идти дальше.

Он уже собирался пересечь небольшую поляну, когда заметил женщину возле старой сосны. Она стояла неподвижно, прислонившись плечом к стволу, и смотрела на него.

Олег замедлил шаг.

В просвете между деревьями падал солнечный свет, освещая её длинные волосы, обнажённые плечи, исцарапанные руки. Женщина была босой, на коже виднелись следы засохшей крови, а одну руку она прижимала к груди, словно ей причиняло боль малейшее движение.

Он узнал её сразу, хотя прошло столько лет.

Когда-то ему казалось, что он сумел бы узнать Светлану даже в полной темноте, по одному прикосновению. Теперь он стоял в нескольких шагах от неё и боялся поверить собственным глазам.

– Света? – произнёс он едва слышно.

Женщина оттолкнулась от дерева и сделала осторожный шаг навстречу.

– Здравствуй, Олежка.

От звука её голоса у него подкосились ноги. Олег ухватился за ближайшую ветку, чувствуя, как дрожат пальцы. Он смотрел на лицо Светланы, замечал тонкие морщинки возле глаз, поседевшие пряди на висках, знакомую родинку над ключицей.

– Господи... Света...

Она протянула руку.

Олег приблизился и осторожно взял её ладонь. Несколько мгновений он просто держал её, словно пытался убедиться, что женщина перед ним действительно существует. Затем поднял глаза и увидел, что Светлана плачет.

– Ты живая, – проговорил он.

Она кивнула.

– Я вернулась.

Олег обнял её так порывисто, что Светлана вскрикнула от боли. Он сразу ослабил руки, испуганно посмотрел на её окровавленное плечо, но жена сама прижалась к нему, обвив здоровой рукой его шею.

Он зарылся лицом в её волосы. От Светланы пахло влажной хвоей, землёй и чем-то ещё, знакомым с давних времён. Олег закрыл глаза, и тогда его наконец прорвало.

Он плакал, прижимая к себе жену, а она гладила его по голове и повторяла его имя. Ему хотелось рассказать, как он искал её, как по ночам прислушивался к звукам на лестнице, как боялся выбросить её вещи, словно этим мог окончательно признать, что она никогда не вернётся. Но всякий раз, когда он пытался заговорить, голос срывался.

Светлана осторожно отстранилась и провела ладонью по его щеке.

– Прости меня, Олежка. Если бы ты только знал, сколько раз я хотела вернуться...

Он покачал головой и снова обнял её. Сейчас ему было достаточно чувствовать рядом живую Светлану, слышать её дыхание и понимать, что больше не нужно просыпаться от снов, в которых она возвращалась домой.

Но внезапно он вспомнил об Ульяне.

Олег отстранился, схватил жену за руки и взволнованно заглянул ей в глаза.

– Света! Ульяна пропала!

Она вздрогнула.

– Олег, послушай...

– Мы вчера приехали сюда с ночёвкой. Я заснул, а утром её уже нет! Палатка разодрана, вокруг какие-то следы... Я весь лес обыскал!

Он торопился, захлёбываясь словами, и время от времени оглядывался на деревья, словно надеялся увидеть среди них дочь.

– Ты её встречала? Может, она проходила здесь? Света, скажи, если что-нибудь знаешь!

Светлана опустила глаза. Она готовилась к этому разговору, пока шла через лес, но теперь, увидев отчаяние мужа, поняла, насколько трудно ей будет сохранить тайну.

– Я видела Ульяну сегодня ночью, – ответила она.

Олег замер.

– Где она?

– Она жива, родной. С ней всё хорошо.

Он облегчённо выдохнул, но почти сразу нахмурился.

– Тогда где она сейчас? Почему ты одна?

Светлана осторожно высвободила руку и коснулась его лица. Ей хотелось успокоить Олега, но она понимала, что любое объяснение повлечёт за собой множество вопросов.

– Мы разговаривали, – сказала она наконец. – Долго разговаривали. Потом она ушла.

– Куда?

Светлана посмотрела в сторону леса.

– Я не знаю, где она сейчас.

Олег отступил на шаг.

– Как это не знаешь? Ты же только что сказала, что видела её!

– Видела, Олег. И знаю, что с ней ничего страшного не случилось.

Он растерянно огляделся, словно ожидал, что дочь всё-таки появится из-за деревьев.

– Я должен её найти. Она ведь одна где-то бродит, а здесь волки...

Олег осёкся и внимательно посмотрел на жену.

– Света, что вообще происходит?

Она молчала. На мгновение ей показалось, что он сейчас догадается обо всём, вспомнит её прежние исчезновения, странные привычки, бесконечные прогулки по ночам. Но Олег лишь с беспокойством смотрел на кровавые следы у неё на плече.

– Кто тебя так изранил?

Светлана осторожно прикрыла рану ладонью.

– Потом обработаем, – попросила она. – Сейчас давай вернёмся к озеру. Ты совсем измучился.

– Подожди, Света. Мы же должны искать Ульяну!

Она взяла его за руку.

– Она вернётся, Олежка. Я очень на это надеюсь. Только ей нужно немного времени.

– Для чего?

Светлана отвела взгляд. Олег ждал ответа, и она чувствовала, как больно ему её молчание. Но рассказать правду означало подвергнуть опасности всё, что этой ночью удалось сохранить.

– Она выросла, – тихо произнесла Светлана. – У неё теперь своя жизнь.

Олег покачал головой.

– Господи, Света, да какая своя жизнь! Она моя дочь!

Услышав эти слова, Светлана почувствовала, как к горлу подступают слёзы. Она крепче сжала его пальцы и заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Знаю, родной. Конечно, знаю.

Некоторое время Олег стоял неподвижно, пытаясь разобраться в происходящем. Ещё полчаса назад он был уверен, что потерял дочь. Теперь перед ним стояла жена, которую он считал погибшей, и уверяла, что с Ульяной всё в порядке. Он хотел верить ей, но за долгие годы привык бояться любого неожиданного счастья.

– Я всё равно буду её искать, – произнёс он наконец.

Светлана кивнула.

– Я понимаю.

Олег хотел продолжить расспросы, но заметил, что жена едва держится на ногах. Её плечо кровоточило, босые ступни были исцарапаны, а от утренней прохлады она начала дрожать.

Он снял куртку и осторожно накинул ей на плечи.

– Пойдём, Свет. Надо тебя перевязать.

Она благодарно улыбнулась и позволила ему обнять себя за талию.

Обратно они шли медленно. Олег то и дело придерживал жену на неровной тропинке, помогал переступать через корни и каждый раз тревожно поглядывал на неё, когда она морщилась от боли. Светлана чувствовала знакомую заботу, от которой за долгие годы успела отвыкнуть, и ей хотелось плакать ещё сильнее.

Возле палатки Олег усадил её на бревно, достал из рюкзака аптечку и принялся обрабатывать раны. Светлана послушно выполняла его просьбы, наблюдая, как он сосредоточенно перебирает бинты и сердится на плохо закрывающийся тюбик с мазью.

– Ты всегда всё слишком туго перевязываешь, – заметила она, когда Олег закреплял повязку на её плече.

Он поднял голову и неожиданно улыбнулся.

– А ты всегда жалуешься.

Светлана тихо рассмеялась. Олег смотрел на неё, и улыбка постепенно исчезала с его лица. В этом коротком обмене словами ему вдруг почудилась их прежняя жизнь, когда они могли ссориться из-за пустяков, мириться за завтраком и строить планы на следующие выходные.

– Четырнадцать лет, Света, – произнёс он.

Она опустила голову.

– Я знаю.

Олег осторожно коснулся её щеки.

– Я всё думал про ту ночь. Про то, что наговорил тебе тогда. Если бы можно было вернуть...

– Олежка, – перебила она и накрыла его руку своей ладонью. – Не надо себя мучить.

Он глубоко вздохнул.

– Я ведь тогда совсем другого хотел.

– Я знаю, родной.

Светлана притянула его к себе и поцеловала. Олег ответил на поцелуй с такой нежностью, что она снова заплакала.

Позже они сидели рядом на берегу, укрывшись одним пледом. Солнце поднялось над лесом и постепенно согревало влажный песок. На другом берегу просыпались отдыхающие; кто-то заводил машину, кто-то громко звал приятелей завтракать.

Олег держал Светлану за руку и время от времени поглядывал на тропинку, ведущую в лес.

– А помнишь, как мы сюда впервые приехали? – спросил он после долгого молчания.

Светлана улыбнулась.

– Ты тогда забыл дома продукты.

– Только хлеб.

– И картошку. И соль.

Олег усмехнулся.

– Зато удочки взял.

– А рыбу так и не поймал.

Они рассмеялись, вспомнив тот давний день, когда ещё совсем молодыми приехали на озеро и до самого вечера просидели на берегу. Именно здесь Олег впервые поцеловал Светлану, а потом долго извинялся, уверенный, что позволил себе лишнее.

Теперь он с удивлением смотрел на женщину рядом. Ему хотелось расспросить её обо всём, что случилось за эти годы, но всякий раз, когда он поворачивался к ней, Светлана улыбалась, и вопросы оставались невысказанными.

Олег обнял жену, осторожно притянув к своему плечу.

– Я ведь уже и не надеялся, Светка.

Она прижалась к нему и закрыла глаза.

– Прости, что заставила тебя столько ждать.

Некоторое время они сидели молча, наблюдая за водой. Потом Олег снова посмотрел на лес.

– Только бы с Ульяной всё было хорошо, – произнёс он.

Светлана крепче сжала его руку.

– Я тоже этого хочу.

Откуда-то издалека донёсся протяжный волчий вой. Ему ответил другой, затем ещё один, более высокий и молодой. Олег поднял голову, прислушиваясь, а Светлана невольно повернулась в сторону леса.

Она узнала последний голос.

– Опять волки, – пробормотал Олег. – Надо будет предупредить тех ребят на другом берегу.

Светлана продолжала смотреть на деревья, за которыми исчезла её дочь.

– Да, – тихо согласилась она. – Надо.

Олег обнял жену крепче и поцеловал в волосы. Впереди их ждала дорога домой, множество трудных вопросов и неизвестность, с которой теперь предстояло жить вдвоём. Но сейчас он был счастлив уже потому, что мог держать Светлану за руку.

Когда волки завыли снова, Светлана прислушалась и едва заметно улыбнулась. Где-то далеко, среди сосен, уходила Стая, а вместе с ней Ульяна, которой теперь предстояло самой выбирать свою дорогу.

Олег смотрел на тропинку, всё ещё надеясь увидеть дочь. Светлана положила голову ему на плечо и промолчала.

Они сидели на берегу озера, где когда-то впервые поцеловались, имолчали. Непередаваемая гамма чувств бушевала внутри каждого - словами такого не выразить. Да и не нужно было слов. Они встречали утро нового дня.